

Источник: Много шума из ничего. Комедия в пяти действиях. Перевод А. Кронеберга // Шекспир В. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / Под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 1. С. 217-254.

217

МНОГО ШУМУ ИЗЪ НИЧЕГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Конецъ второго періода дѣятельности Шекспира былъ исключительно посвященъ комедіямъ: «Виндзорскія проказницы», «Какъ вамъ это понравится», «Много шума изъ ничего» и «Двѣнадцатая ночь» — были написаны и поставлены на сцену именно въ это время. Въ этихъ четырехъ комедіяхъ геній Шекспира представляется намъ достигнувшимъ высшей степени своего развитія, той степени, на которой суждено было великому драматургу остаться до конца жизни, хотя и совершенно измѣнить направленіе своей дѣятельности, подъ вліяніемъ различныхъ неблагоприятныхъ условій. Въ этихъ четырехъ комедіяхъ Шекспиръ выказывается настолько же великимъ въ созданіи небольшихъ, легко набросанныхъ очерковъ драматическихъ характеровъ, насколько впослѣдствіи, въ своихъ трагедіяхъ, въ обработкѣ величавыхъ типовъ Макбета, Лира и Коріолана. Сравнивая Шекспировы комедіи съ трагедіями, мы видимъ, что въ комедіяхъ его встрѣчается много такихъ чертъ и типовъ, которые потомъ, въ большихъ размѣрахъ, повторяются въ его трагедіяхъ и другихъ произведеніяхъ послѣдняго періода. Можно почти сказать, что въ комедіяхъ и трагедіяхъ Шекспира дѣйствуетъ одна и та же творческая сила, но въ примѣненіи къ различнымъ кружкамъ: въ первыхъ — къ меньшему кругу, въ послѣднихъ — къ большому. Шекспиръ какъ будто сознательно испытывалъ свои силы на этихъ небольшихъ произведеніяхъ, приготовляясь приступить къ обработкѣ произведеній болѣе обширныхъ, чѣмъ всѣ его хроники и эротическія пьесы, наполняющія собою весь первый и большую половину второго періода его дѣятельности.

Комедіи Шекспира способны однакоже поставить въ тупикъ любого изъ тѣхъ критиковъ, которые привыкли вѣрить въ существованіе твердыхъ, положительныхъ границъ между различными родами литературныхъ произведеній и на основаніи признаковъ строго опредѣлять значеніе отдѣльныхъ родовъ. Нѣкоторыя изъ Шекспировскихъ комедій только съ большою натяжкой могутъ быть подведены подъ общее опредѣленіе комическихъ произведеній — и къ такимъ, именно, принадлежитъ «Много шума изъ ничего»; другія только потому могутъ быть названы комедіями, что сторона юмористическая преобладаетъ въ нихъ надъ серьезною стороною содержанія; да и то не во всѣхъ, при чемъ опять можно указать прежде другихъ на «Много шума изъ ничего». Можно даже положительно утверждать, что Шекспиръ только въ концѣ второго періода дѣятельности, только на своихъ комедіяхъ выучился искусству тѣсно сливать въ одномъ произведеніи и прекрасное, и ужасное, и смѣшное;

высшей же степени совершенства въ этомъ искусствѣ достигъ онъ уже въ послѣднихъ произведеніяхъ, гдѣ оно, воскрешая передъ нашими глазами дѣйствительную жизнь во всей ея стройности, дѣйствительно изумляетъ каждаго, самаго равнодушнаго зрителя точно такъ же, какъ изумляло и Шекспировыхъ современниковъ. Итакъ, комедіи Шекспира, писанныя въ послѣдніе годы XVI вѣка, особенно важны въ исторіи развитія Шекспирова генія, какъ переходъ къ его трагедіямъ.

«Много шуму изъ ничего» была напечатана въ 1600 году, и на сцену поставлена въ августъ того же года. Содержаніе ея предполагали заимствованнымъ изъ Аріостова «Неистоваго Роланда», гдѣ вся пятая и часть шестой книги дѣйствительно заняты эпизодомъ, напоминающимъ въ общихъ чертахъ основное содержаніе Шекспировой комедіи. Этотъ эпизодъ состоитъ изъ исторіи Дженевры, точно такъ же обвиняемой въ невѣрности Аріоданту, который ее любитъ и собирается на ней жениться, какъ Геро обвиняется въ невѣрности передъ Клавдіемъ. Обвинителемъ Дженевры является герцогъ Полинессо, который также доказываетъ ея мнимую

218

невѣрность при помощи Далинды, съ которой находится въ связи. Цѣлью клеветъ Полинессо на Дженевру, которую онъ любитъ, у Аріоста выставлено стремленіе герцога избавиться отъ такого соперника, какъ Аріодантъ. Невинная Дженевра, оклеветанная герцогомъ при помощи Далинды, осуждена на смертную казнь, если только въ теченіе мѣсяца какой-нибудь рыцарь не выступитъ на защиту ея невинности. Аріодантъ исчезаетъ и разносится даже слухъ о томъ, что онъ погибъ; преступный Полинессо торжествуетъ. Но обманутая имъ Далинда — главное орудіе его преступленія — убѣгаетъ отъ него и, встрѣтившись съ Ринальдомъ, рассказываетъ ему всю правду. Ринальдъ является защитникомъ невинной Дженевры, и Полинессо убить имъ въ судебномъ поединкѣ, послѣ чего возвращается вскорѣ и Аріодантъ раздѣлитъ счастье своей оправданной Дженевры. Этотъ эпизодъ дѣйствительно могъ быть извѣстенъ Шекспиру, потому что уже въ 1591 году Гаррингтонъ подарилъ англійскую публику прекраснымъ переводомъ Аріостовой поэмы. Но слишкомъ смѣло было бы принимать, на основаніи такого отдаленнаго сходства между содержаніемъ эпизода поэмы и комедіею, что эпизодъ послужилъ источникомъ комедіи, тѣмъ болѣе, что почти такой же эпизодъ есть и у Спенсера въ его «Fairу Queenе» (книга II, пѣснь IV), гдѣ Федонъ описываетъ коварство своего друга Филемона, который, желая разстроить счастье его, обвинилъ его возлюбленную Кларибеллу въ невѣрности, и въ доказательство употребляетъ точно такую же продѣлку, какую въ комедіи Шекспира употребляетъ Борахіо для обвиненія Геро, а въ поэмѣ Аріоста Полинессо для — подтвержденія своихъ клеветъ. Филемонъ переодѣваетъ служанку Пріэне въ платье Кларибеллы, а самъ переодѣвается въ платье простого слуги и заставляетъ Федона быть тайнымъ свидѣтелемъ любовной сцены между ними. Но развязка у Спенсера чисто трагическая: Федонъ убиваетъ невинную Кларибеллу.

Этотъ эпизодъ ужъ, конечно, былъ извѣстенъ Шекспиру, но его еще менѣе можно считать основной интригой въ «Много шуму изъ ничего». Дѣло въ томъ, что и Шекспиръ, и Спенсеръ, и тѣмъ болѣе Аріостъ почерпнули изъ одного общаго источника вышеприведенное сказаніе о невинной дѣвушкѣ, оклеветанной

злоумышленными людьми въ прелюбодѣянїи на основанїи подложныхъ, но весьма правдоподобныхъ доказательствъ. Сказанїе это, вѣроятно, составляетъ общее достоянїе всѣхъ южно-европейскихъ народовъ, потому что встрѣчается въ извѣстномъ сборникѣ итальянскихъ новеллъ Банделло, котораго новеллы послужили, какъ увидимъ, основными сюжетами очень многихъ драматическихъ произведенїй Шекспира. Банделло принадлежитъ къ тому нескончаемому ряду новеллистовъ, которые занимаютъ своими сборниками такое выдающееся мѣсто въ итальянской литературѣ отъ половины XIII до начала XVII вѣка. Въ 1554 году онъ выдалъ свой сборникъ новеллъ, оказавшїй въ послѣдствїи сильное влїянїе преимущественно на французскую литературу¹. Въ этотъ сборникъ занесена была, между прочимъ, и слѣдующая новелла, которую мы передаемъ въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ она слишкомъ обширна для приведенїя ея здѣсь цѣликомъ.

Фениція, дочь Ліонато, одного изъ знатнѣйшихъ гражданъ Мессины, обручена была съ Тимбрео-де-Кардоне. Джирондъ, влюбленный въ дочь Ліонато и обманутый въ своихъ надеждахъ, рѣшается, если возможно, воспрепятствовать ихъ свадьбѣ. Онъ наговариваетъ Тимбрео, что его невѣста невѣрна ему и берется даже показать, какъ незнакомецъ полѣзетъ въ окно ея спальни. Тимбрео соглашается на это и на его глазахъ, дѣйствительно, переодѣтый дворяниномъ слуга Джиронда подставляетъ лѣстницу и черезъ окно забирается ночью въ домъ Ліонато. Взбѣшенный и распаленный ревностью Тимбрео на другой же день обвиняетъ свою невѣсту передъ отцомъ ея въ невѣрности данному слову и отказывается на ней жениться. Фениція падаетъ въ обморокъ; за обморокомъ слѣдуетъ опасная болѣзнь и, чтобы прекратить всѣ оскорбительные для ея чести слухи, Ліонато объявляетъ, что дочь его умерла. Всѣ обряды погребенїя совершаются на глазахъ у цѣлой Мессины надъ пустымъ гробомъ, между тѣмъ какъ Фениція остается скрытою въ уединенїи отдаленнаго помѣстья. Джирондо приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, что онъ виновникъ смерти Фениціи. Въ минуту сильнѣйшихъ угрызенїй совѣсти онъ сознается передъ Тимбрео въ своей низости, и оба они рѣшаются просить извиненїя у оскорбленной ими фамилїи Ліонато. Тогда Ліонато налагаетъ на Тимбрео слѣдующее наказанїе за его легковѣрїе: онъ долженъ жениться на женщинѣ, которую онъ до свадьбы не долженъ видѣть въ лицо. Тимбрео соглашается и — въ незнакомой ему невѣстѣ узнаетъ у алтаря свою любимую, оскорбленную имъ и давно оплаканную всѣми Феницію.

Очевидно, что эта новелла и послужила сюжетомъ для Шекспировой комедїи. Любопытно, однакоже, какъ каждый изъ трехъ писателей, воспользовавшихся этимъ сказанїемъ, обработалъ его сообразно съ своими наклонностями и дарованїемъ: Аріостъ далъ ему обстановку рыцарскаго романа; Спенсеръ облекъ его въ форму

высокаго и торжественнаго нравоученїя; Шекспиръ низвелъ его на степень весьма простаго и обыкновеннаго событїя, которое и представилъ такъ живо, такъ обаятельно, что невольно вѣришь въ его возможность.

Въ «Много шуму изъ ничего», по странной прихоти автора, самостоятельнѣйшими и наиболѣе обработанными характерами являются не тѣ, которые бы, повидимому, должны были стоять на первомъ планѣ. Не Клавдіо, не Геро,

не донъ-Жуанъ, а Беатриче и Бенедиктъ обращаютъ на себя вниманіе зрителя своимъ неистощимымъ остроуміемъ и веселостью. На нихъ — и не даромъ — обращается все вниманіе зрителя: эта пара, съ ея нескончаемыми ссорами и обоюдными насмѣшками, а потомъ съ ея взаимною, но все же смѣшною и совершенно случайною любовью, составляетъ собственно комическую сторону пьесы; остальные же лица запутаны въ одну общую интригу чисто трагическаго характера, но такъ ловко, такъ искусно веденную и построенную, что трагическій интересъ ея является нѣсколько смягченнымъ и впечатлѣніе главной катастрофы значительно ослабленнымъ. Дѣйствительно, завязка интриги происходитъ почти незамѣтно для зрителя, котораго вниманіе поглощено цѣлымъ рядомъ сценъ, гдѣ Бенедиктъ чрезвычайно милъ и забавенъ; кромѣ того, низкая продѣлка Борахіо и Маргариты происходитъ за сценою, слѣдовательно, зритель избавленъ отъ отчаянья и сокрушеній Клавдіо. Наконецъ, самой сильной изъ всѣхъ сценъ по тому впечатлѣнію, которое она производитъ — той сценѣ, гдѣ Клавдіо публично отказывается отъ женитьбы на Геро — предшествуетъ взятіе подъ стражу Конрада и Борахіо, которое, по очень удачному замѣчанію Гервинуса, какъ бы предупреждаетъ зрителя въ томъ, что «много шуму дѣйствительно вышло или выйдетъ изъ ничего». Кромѣ того, вся вторая половина пьесы оживлена уморительными сценами допросовъ и донесеній со стороны высокоименитыхъ блюстителей городской тишины и благоустройства, полицейскихъ Клюквы и Киселя, которые необыкновенно хороши въ своемъ безобразіи и чрезвычайно краснорѣчивы въ благородномъ негодованіи противъ злонамѣренныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, относящихся непочтительно даже и къ ихъ высокому званію. Бенедиктъ и Беатриче, соединяясь въ супружествѣ, повидимому, оправдываютъ извѣстную пословицу: крайности сходятся; но въ сущности они не сходятся сначала именно потому, что въ ихъ характерахъ слишкомъ много сходныхъ, почти общихъ чертъ. При очень добромъ и мягкомъ сердцѣ, у обоихъ одна и та же очень дурная привычка: говорить безъ умолку все, что придетъ въ голову и давать полную волю языку. Бенедикту точно такъ же хорошо извѣстенъ колкій и безпощадный языкъ Беатриче, какъ и ей его ѣдкое остроуміе. Они сначала не нравятся другъ другу, именно, какъ соперники въ искусствѣ насмѣхаться и злословить; но потомъ, когда окружающимъ вздумалось, шутя, обратить ихъ вниманіе на обоюдныя достоинства, когда они, несмотря на свою прозорливость, попались въ ловушку и взглянули другъ на друга серьезно, съ той и другой стороны явилась и любовь, основанная на весьма сознательномъ обоюдномъ, уваженіи къ уму, способностямъ и образу мыслей. Они сошлись не по прихоти, а потому, что успѣли, во-время одумавшись, взглянуть другъ на друга серьезно, что, при ихъ живости характера, было, конечно, весьма нелегкимъ дѣломъ — и оцѣнили другъ друга по достоинству. Многимъ критикамъ Шекспира этотъ бракъ Беатриче съ Бенедиктомъ кажется просто страннымъ; другіе идутъ далѣе и стараются заглянуть даже въ будущность молодыхъ супруговъ и не пророчатъ имъ ничего добраго... А между тѣмъ такіе браки составляютъ одну изъ весьма часто повторяющихся страницъ жизни!

Со включеніемъ напечатаннаго здѣсь перевода покойнаго Кронеберга, «Много шуму изъ ничего» было переведено на русскій языкъ четыре раза. Вотъ полный титулъ этихъ переводовъ:

1) Много шуму изъ ничего. *Комедія В. Шекспира. Переводъ А. Кронеберга, («Современникъ», 1847, т. VI, № 12, отд. I, стр. 229—302).*

2) Много шуму изъ пустяковъ. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шекспира Переводъ съ англійскаго, («Сынъ Отечества», 1849, № 5, отд. IV, стр. 1—80.) Переводъ сдѣланъ прозой. Имени переводчика не означено.*

3) Много шуму по пустому. *Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, («Шекспиръ», 1877, ч. 8, стр. 129—223.)*

4) Много шуму изъ пустяковъ. Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЪ-ПЕДРО, принцъ Арагонскій.

ДОНЪ-ЖУАНЪ, его побочный братъ.

КЛАВДІО, молодой флорентинецъ.

БЕНЕДИКТЪ, молодой падуанецъ.

ЛЕОНАТО, мессинскій намѣстникъ.

АНТОНИО, его братъ.

БАЛЬТАЗАРЪ, изъ свиты донъ-Педро.

БОРАХІО } изъ свиты

КОНРАДЪ } донъ-Жуана.

КЛЮКВА }

КИСЕЛЬ } полицейскіе.

ОТЕЦЪ-ФРАНЦИСКЪ, монахъ.

ПРОТОКОЛИСТЪ.

МАЛЬЧИКЪ.

ГЕРО, дочь Леонато.

БЕАТРИЧЕ, его племянница.

МАРГАРИТА }

УРСУЛА } камерфрейлины Геро.

Вѣстники, стража, слуги и прочіе. Мѣсто дѣйствія - Мессина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Леонато.

Входятъ Леонато, Геро, Беатриче и Гонецъ.

ЛЕОНАТО. Изъ этого письма я вижу, что донъ-Педро будетъ на ночь въ Мессину.

ГОНЕЦЪ. Онъ очень близко; я его оставилъ мили за три отсюда.

ЛЕОНАТО. Сколько людей потеряли вы въ этомъ сраженіи?

ГОНЕЦЪ. Вообще, очень мало; изъ офицеровъ ни одного.

ЛЕОНАТО. Побѣда - двойная побѣда, когда всѣ возвращаются домой. Здѣсь сказано, что донъ-Педро осыпал наградами молодого флорентинца, по имени Клавдіо!

ГОНЕЦЪ. Онъ вполнѣ заслужилъ ихъ - и донъ-Педро это видѣлъ. Онъ превзошелъ все, что можно было ожидать отъ его лѣтъ, и въ образѣ ягненка дрался, какъ левъ. Словомъ, онъ до того превзошелъ ожиданія всѣхъ, что я не счумѣю и рассказать вамъ.

ЛЕОНАТО. Здѣсь, въ Мессинѣ, есть у него дядя: это его порадуетъ.

ГОНЕЦЪ. Я уже отдалъ ему письма, и они доставили ему, кажется, много радости; онъ такъ обрадовался, что не могъ даже удержаться отъ слезъ.

ЛЕОНАТО. Заплакалъ?

ГОНЕЦЪ. Просто, зарыдалъ.

ЛЕОНАТО. Добрый вздохъ добраго чувства! Честное лицо, омытое такими слезами! О, во сколько разъ лучше плакать отъ радости, чѣмъ радоваться слезамъ!

БЕАТРИЧЕ. Позвольте спросить: храбрый витязь Бова воротился или нѣтъ?

ГОНЕЦЪ. Я такого, сударыня, не знаю; такого офицера у насъ не было.

ЛЕОНАТО. О комъ это ты спрашиваешь, племянница?

ГЕРО. Сестрица спрашиваетъ о падуанцѣ Бенедиктѣ.

ГОНЕЦЪ. А, вотъ кто! Онъ возвратился - и веселъ попрежнему.

БЕАТРИЧЕ. Онъ здѣсь, въ Мессинѣ, объявилъ афишами, что вызываетъ Купидона состязаться въ пораженіи сердецъ, а дядюшкинъ шутъ расписался за божка. Скажите, пожалуйста, много ли онъ у васъ тамъ, на войнѣ, убилъ и съѣлъ? То-есть - сколько убилъ? Я обѣщала съѣсть всѣ его жертвы.

ЛЕОНАТО. Право, племянница, ты его обижаешь. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы сойдетесь.

ГОНЕЦЪ. Онъ оказалъ большія услуги въ этой войнѣ.

БЕАТРИЧЕ. Вѣроятно, у васъ были залежалые съѣстные припасы, - и онъ помогаль ихъ доѣдать. Онъ истинно застольный герой: желудокъ у него - просто, чудо.

ГОНЕЦЪ. И хорошій воинъ къ тому, сударыня!

БЕАТРИЧЕ. Да, хорошій - для дамы; но каковъ онъ для кавалера?

ГОНЕЦЪ. Съ кавалеромъ - кавалеръ, съ женщиной - мужчина... Онъ полонъ всякаго рода добродѣтелей, достойныхъ уваженія.

БЕАТРИЧЕ. Да, ваша правда, онъ мужчина полный; но что касается полноты... конечно, всѣ мы люди смертные.

ЛЕОНАТО. Надо объяснить вамъ выходки моей племянницы. У ней съ Бенедиктомъ родъ потѣшной войны: не могутъ встрѣтиться, чтобъ не порѣзаться на островахъ.

БЕАТРИЧЕ. Да - и онъ вѣчно срѣжется. Въ послѣдней схваткѣ четыре изъ его пяти умственныхъ способностей обратились въ бѣгство подъ предводительствомъ здраваго смысла - и теперь онъ кое-какъ пробавляется одною. Слава Богу, что хоть одна осталась; по крайней мѣрѣ можно еще отличить ѣздока отъ лошади. На этомъ

только и держатся права его на название разумного существа. Кто у него теперь приятелемъ? У него, вѣдь, что ни мѣсяць, то новая дружба по гробъ.

ГОНЕЦЪ. Возможно ли?

БЕАТРИЧЕ. Очень возможно. Вѣрность у него въ родѣ модной шляпы: онъ безпрестанно пересаживаетъ ее съ одного болвана на другого.

ГОНЕЦЪ. Я вижу, онъ у васъ на дурномъ счету.

БЕАТРИЧЕ. Въ противномъ случаѣ я не умѣла бы считать. Такъ кто же у него теперь другъ-то? Неужели не сыскалось повѣсы, готоваго отправиться съ нимъ къ черту?

ГОНЕЦЪ. Онъ большею частью бываетъ съ Клавдіо.

БЕАТРИЧЕ. Несчастный! Бенедиктъ пристанетъ къ нему, какъ чума: онъ неимоვნно прилипчивъ - и зараженный немедленно лишается разсудка. О, Господи! спаси благороднаго Клавдіо! Если онъ боленъ Бенедиктомъ, леченіе обойдется ему тысячъ въ двадцать.

ГОНЕЦЪ. Позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ.

БЕАТРИЧЕ. Сдѣлайте одолженіе.

ЛЕОНАТО. Вы никогда не лишитесь разсудка, племянница.

БЕАТРИЧЕ. Надѣюсь - развѣ въ январѣ станетъ жарко.

ГОНЕЦЪ. Донъ-Педро идетъ.

Входятъ Донъ-Педро въ сопровожденіи Бальтазара и другихъ; за ними Донъ-Жуанъ, Клавдіо и Бенедиктъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Добрѣйшій синьоръ Леонато, вы сами навязываетесь на заботы. На свѣтѣ водится избѣгать издержекъ, а вы сами ихъ ищете.

ЛЕОНАТО. Забота никогда не являлась въ домъ мой въ образѣ вашего высочества. Когда исчезаетъ забота, остается покой; но съ вами исчезаетъ счастье и остается грусть.

ДОНЪ-ПЕДРО. Вы слишкомъ охотно принимаете на себя этотъ трудъ. Это, кажется, дочь ваша?

ЛЕОНАТО. Мать ея не разъ мнѣ это говорила.

ДОНЪ-ПЕДРО. А вы сомнѣвались, что спрашивали ее?

ЛЕОНАТО. Нѣтъ, синьоръ Бенедиктъ - вы были тогда еще ребенкомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Вотъ вамъ Бенедиктъ! Теперь понятно, что вы за птица теперь, сдѣлавшись мужчиной. (*Къ Геро.*) Но ваше лицо говоритъ всего яснѣе: вы удивительно похожи на вашего отца. Позвольте пожелать вамъ всевозможнаго счастья.

БЕНЕДИКТЪ. Хотя синьоръ Леонато и отецъ ей, а я увѣренъ, что она и за всю Мессину не согласится, чтобъ голова его очутилась на ея плечахъ, какъ она на него ни похожа.

БЕАТРИЧЕ. Удивляюсь, что вы безпрестанно говорите, синьоръ Бенедиктъ: никто не обращаетъ на это вниманія.

БЕНЕДИКТЪ. А, насмѣшница! Вы еще живы?

БЕАТРИЧЕ. Можетъ ли насмѣшница умереть, пока насмѣшки ея питаются такою сытною пищею, какъ синьоръ Бенедиктъ? Сама учтивость превращается въ насмѣшку, когда вы являетесь на сцену.

БЕНЕДИКТЪ. Въ такомъ случаѣ учтивость вѣроотступница. Однако, что ни говорите, а всѣ женщины отъ меня безъ ума, кромѣ васъ одной; и мнѣ, право, жаль, что у меня такое жестокое сердце: я ни одной изъ нихъ не люблю.

БЕАТРИЧЕ. Какъ онѣ счастливы! Они избавлены отъ убійственного вздыхателя. Благодаря Бога, и у меня кровь холодная: я тоже никого не люблю. Слушать клятвы въ любви! Нѣтъ, мнѣ сноснѣе слушать, какъ моя собаченка лаетъ на воронь.

БЕНЕДИКТЪ. Да сохранить въ васъ Господь Богъ такой образъ мыслей! Это сохранить чье-нибудь лицо отъ ногтей.

БЕАТРИЧЕ. Ногти не сдѣлаютъ его хуже, если оно похоже на ваше.

БЕНЕДИКТЪ. Изъ васъ вышелъ бы превосходный попугай.

БЕАТРИЧЕ. Говорящая птица лучше безсловеснаго животнаго.

БЕНЕДИКТЪ. Не могу не пожелать моей лошади проворства и неутомимости вашего языка.

222

Впрочемъ, продолжайте съ Богомъ: я молчу.

БЕАТРИЧЕ. Вы всѣгда кончаете лошадиною острою. Не новость.

ДОНЪ-ПЕДРО. (*говорившій между тѣмъ съ Леонато*). Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло, Леонато. Синьоръ Клавдіо и синьоръ Бенедиктъ, другъ мой, Леонато приглашаетъ васъ къ себѣ. Я говорю ему, что мы пробудемъ здѣсь съ мѣсяць, но онъ надѣется, что насъ задержитъ что-нибудь дольше - и я ручаюсь, что онъ говоритъ чистосердечно.

ЛЕОНАТО. Вы не ошибаетесь. (*Донъ-Жуану.*) Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Вы примирились съ его высочествомъ - и я къ вашимъ услугамъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Благодарю васъ. Я не люблю лишнихъ словъ: благодарю васъ.

ЛЕОНАТО. Не угодно ли вашему высочеству войти?

ДОНЪ-ПЕДРО. Вашу руку, Леонато: войдемте вмѣстѣ. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Бенедикта и Клавдіо*).

КЛАВДІО. Бенедиктъ, замѣтилъ ты дочь Леонато?

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ, не замѣтилъ: я только смотрѣлъ на нее.

КЛАВДІО. Не правда ли, она хороша?

БЕНЕДИКТЪ. Вы меня спрашиваете, какъ честный человѣкъ и желая знать настоящее мое мнѣніе? или прикажете отвѣчать вамъ, по моему обыкновенію, какъ заклятый врагъ женскаго пола?

КЛАВДІО. Нѣтъ, пожалуйста, говори просто.

БЕНЕДИКТЪ. Мнѣ кажется, она слишкомъ мала для большой, слишкомъ смугла для свѣтлой и слишкомъ низка для высокой похвалы. Все, что я могу сказать въ ея пользу: будь она другою, она была бы не хороша собой; а такъ, какъ она есть, она мнѣ не нравится.

КЛАВДІО. Ты думаешь я шучу - нѣтъ, сдѣлай милость, скажи мнѣ откровенно, какъ она тебѣ нравится?

БЕНЕДИКТЪ. Чего вы такъ спрашиваете: ужъ не хотите ли купить ее?

КЛАВДІО. Есть ли цѣна такому алмазу?

БЕНЕДИКТЪ. Сыщется и футляръ! Да нѣтъ! Вы какъ: серьезно говорите, или только такъ, à la Вральманъ: то-есть, по вашему, Купидонъ - зоркій стрѣлокъ, Вулканъ - ловкій танцоръ? Подайте камертонъ, а то какъ же вамъ вторить?

КЛАВДІО. На мои глаза, я не видывалъ подобной красавицы.

БЕНЕДИКТЪ. Я смотрю еще безъ очковъ, а ничего такого не вижу. Вотъ сестрица ея – не вселись въ нее бѣсъ, такъ она была бы лучше Геро, какъ 1-е мая лучше 31-го декабря. Надѣюсь, вы не думаете жениться? или - думаете?

КЛАВДІО. Я не повѣрилъ бы самому себѣ, если бы поклялся въ противномъ, зная, что Геро согласна быть моею женою.

БЕНЕДИКТЪ. Право? Такъ вотъ оно до чего дошло? Неужели нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, который желалъ бы спокойно надѣвать на ночь колпакъ? Неужели мнѣ не видать шестидесятилѣтняго холостяка? Что жъ, по мнѣ - пожалуй! Надѣвай ярмо, если хочешь; зѣвай у себя дома въ халатѣ. А вонъ и донъ-Педро. Онъ, кажется, за нами.

ДОНЪ-ПЕДРО *возвращается.*

ДОНЪ-ПЕДРО. Что у васъ тутъ за секреты? Почему вы не пошли къ Леонато?

БЕНЕДИКТЪ. Сдѣлайте одолженіе, ваше высочество, заставьте меня говорить.

ДОНЪ-ПЕДРО. Повелѣваю тебѣ властью государя.

БЕНЕДИКТЪ. Слышите, графъ Клавдіо? Повѣрьте, я могу быть нѣмъ, какъ могила, но властью государя... Слышите - властью государя! (*Дону-Педро.*) Онъ влюбленъ. Въ кого? Это *вы* спрашиваете, ваше высочество? Замѣтьте, до чего коротокъ его отвѣтъ: въ эту коротышку Геро, дочь Леонато.

КЛАВДІО. Если бы это было такъ, таковъ былъ бы отвѣтъ.

БЕНЕДИКТЪ. Да, какъ говорится въ старой сказкѣ: оно не то, чтобы то, а такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ того. Впрочемъ, избави Богъ, чтобы дѣйствительно было *того*.

КЛАВДІО. Если страсть моя не пройдетъ скоро, то не дай Богъ, чтобы она прошла когда-нибудь.

ДОНЪ-ПЕДРО. Аминь, говорю я, если вы ее любите: она достойна любви.

КЛАВДІО. Это съ вашей стороны только ловушка, ваше высочество.

ДОНЪ-ПЕДРО. Увѣряю васъ, что говорю прямо и отъ души.

КЛАВДІО. Клянусь вамъ, что и я говорю также отъ души.

БЕНЕДИКТЪ. Такъ ужъ и я отъ души - клянусь и увѣряю!

КЛАВДІО. Я чувствую, что люблю ее.

ДОНЪ-ПЕДРО. А я знаю, что она этого достойна.

БЕНЕДИКТЪ. А я - ни чувствую, какъ ее можно любить, ни знаю, почему она этого достойна - и этого убѣжденія не выжжетъ изъ меня никакой огонь: умру за него.

ДОНЪ-ПЕДРО. Что касается до обожанія красоты, ты былъ всегда упорнымъ еретикомъ.

КЛАВДІО. И выдерживалъ свою роль черезъ силу.

БЕНЕДИКТЪ. Я очень благодаренъ женщинѣ, которая зачала меня; что она меня воспитала, и за это нижайше благодарю; но чтобы у меня на головѣ играла роговая музыка - нѣтъ, ужъ извините, милостивыя государыни. Я не хочу обидѣть ни одной, не довѣряя именно ей, и потому отдаю справедливость всѣмъ: никому не довѣряю. А конецъ пѣсни тотъ, что я остаюсь холостякомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Я надѣюсь еще дожить до той минуты, когда ты поблѣднѣешь отъ любви.

БЕНЕДИКТЪ. Отъ досады, отъ болезни, отъ голода - только не отъ любви. Если я начну когда-нибудь сохнуть отъ любви, такъ что и виномъ меня не размочишь - позволяю выколоть мнѣ глаза перомъ кропателя балладъ и повѣсить меня надъ дверьми непристойнаго дома, вмѣсто вѣвѣски слѣпотаго Купидона.

ДОНЪ-ПЕДРО. Смотри, если ты отречешься когда-нибудь отъ твоихъ вѣрованій, то сдѣлаешься превосходнѣйшею мишенью для сатиры.

БЕНЕДИКТЪ. Если отрекусь, то повѣсьте меня въ кувшинѣ, какъ кошку - и стрѣляйте; и кто попадетъ въ меня, потрепайте его по плечу и назовите Адамомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Время все рѣшить.

«И дикій быкъ свыкается съ ярмомъ».

БЕНЕДИКТЪ. Да, дикій быкъ, но если свыкнется съ нимъ разумный Бенедиктъ, то да переселятся рога быка на его голову! Можете даже, если угодно, приказать намалевать меня и надписать верхковыми буквами: «Здѣсь показываютъ законнаго супруга Бенедикта».

КЛАВДІО. А ты не станешь за это бодаться?

ДОНЪ-ПЕДРО. Скоро задрожитъ ты передъ стрѣлами Купидона, если только онъ не растратилъ всего колчана въ Венеціи.

БЕНЕДИКТЪ. Скорѣ задрожитъ земля.

ДОНЪ-ПЕДРО. Посмотримъ: время не свой братъ. Однако сходите, добрѣйшій синьоръ Бенедиктъ, къ Леонато. Кланыйтесь ему отъ меня и скажите, что я непременно буду къ ужину. У него тамъ такія приготовленія!

БЕНЕДИКТЪ. Вотъ на подобное посольство я способенъ! Честь имѣю...

КЛАВДІО. «Быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Замокъ – такой-то.» О, если бы онъ у меня былъ!

ДОНЪ-ПЕДРО. «Шестого іюля. Вашъ вѣрный другъ Бенедиктъ.»

БЕНЕДИКТЪ. Не смѣйтесь, не смѣйтесь. Краснорѣчіе ваше заштопано лохмотьями, да и тѣ едва держатся. Вы хоть бы посовѣстились повторять истасканныя остроты. До свиданія.

(Уходитъ.)

КЛАВДІО. Ваше высочество, вы теперь могли бы оказать мнѣ милость.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Такъ научи меня - и ты увидишь,
Съ какою легкостью я разрѣшу,
Любя тебя, труднѣйшую задачу.

КЛАВДІО.

Есть сыновья у Леонато?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Нѣтъ,
Одна наслѣдница и дочь. А что?
Она понравилась тебѣ - не такъ ли?

КЛАВДІО.

Когда готовились мы выступить въ походъ,
Я любовался ею, принцъ, но помнилъ,
Что я солдатъ, что ждетъ меня тревога
Суровыхъ битвъ - не до любви мнѣ было;
Теперь не то: одержана побѣда,
Миръ заключенъ. Воинственныя думы
Смѣнились сладкою мечтой любви,
И сердце шепчетъ мнѣ: «взгляни на Геро:
Что за божественная красота!
Ты полюбилъ ее, когда...»

ДОНЪ-ПЕДРО.

Довольно!
Ты истинно влюбленный: не жалѣешь
Чужихъ ушей. Откуда что берется!
Ты любишь Геро; что жъ, люби ее,
А я посватаю - и ты женатъ.
Вѣдь, это - цѣль хитросплетенной рѣчи?

КЛАВДІО.

О, какъ вы поняли недугъ любви!
Какъ зорко видите всѣ раны сердца!
Вы угадали. Не хотѣлось мнѣ
Такую мысль разоблачить внезапно,
Какъ необузданный порывъ: словами
Старался я прикрыть мое желанье.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Напрасный трудъ! На узкую рѣченку
Не стоитъ наводить широкій мостъ.
Тутъ дѣло просто: ты въ нее влюбленъ,
А я готовъ тебѣ помочь. Какъ слышно,
Сегодня вечеромъ назначенъ балъ.
Я буду въ маскѣ и признаюсь Геро,
Что я графъ Клавдіо; заговорю
Отъ сердца къ сердцу, и сквозь слухъ, плѣненный
Внезапной встрѣчей, языкомъ любви,
Проникну въ грудь ея. Потомъ, немедля,
Пойду къ отцу, а въ заключение пѣсни -
Она твоя. Сейчасъ примусь за дѣло.

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Леонато.

Входятъ ЛЕОНАТО и АНТОНИО.

ЛЕОНАТО. Ну, что, братъ? Гдѣ сынъ твой, мой племянникъ? Распорядился онъ музыкой?

АНТОНИО. Да, хлопочеть. Знаешь ли, я могу сообщить тебѣ странныя новости. Тебѣ и не снилось ничего подобнаго.

ЛЕОНАТО. А хороши онѣ?

АНТОНИО. Смотря по тому, чѣмъ кончатся; съ перваго взгляда по крайней мѣрѣ не дурны. Принцъ и графъ Клавдіо гуляли у меня въ саду. Аллея была густа, - и одинъ изъ моихъ людей подслушалъ ихъ разговоръ. Принцъ говорилъ Клавдіо, что влюбленъ въ племянницу мою, твою дочь, и что признается ей въ этомъ сегодня же ввечеру, во время танцевъ. Если она не прочь, онъ не намѣренъ терять времени и тотчасъ же переговорить объ этомъ съ тобою.

ЛЕОНАТО. А слуга твой не глупый малый?

АНТОНИО. Очень смысленый. Я велю позвать его: разспроси его самъ.

ЛЕОНАТО. Нѣтъ, нѣтъ; будемъ это считать сномъ, пока онъ не осуществится самъ собою. Однако не мѣшаетъ предварить дочь: пусть приготовитъ отвѣтъ на всякій случай. Можетъ статья, это и правда. Пожалуйста, увѣдомь ее. (*Нѣсколькимъ чловѣкамъ, проходящимъ черезъ сцену.*) Вы, господа, уже знаете, какъ и чѣмъ распорядиться? Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы все было готово. (*Антонио.*) Сдѣлай милость, пойдемъ со мною: ты мнѣ понадобишься. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Другая комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Донъ-Жуанъ и Конрадъ.

КОНРАДЪ. Что за дьявольщина! Что вы такъ печальны?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Да на душѣ у меня тяжело; да и причина не легка.

КОНРАДЪ. Надо быть благоразумнымъ: послушайтесь разсудка.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Положимъ, я и послушаюсь - что мнѣ изъ того?

КОНРАДЪ. Если это не облегчитъ участи вашей мгновенно, по крайней мѣрѣ вы будете сносить ее терпѣливѣе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Мнѣ, право, странно: ты утверждаешь, что родился подъ вліяніемъ Сатурна, а предлагаешь нравственное лекарство противъ смертельнаго недуга. Я не могу притворяться: грущу, когда мнѣ грустно, не смотря ни на чьи шутки; ѣмъ, когда голоденъ и не жду никого; сплю, когда спать хочется, не заботясь

ни о чьихъ дѣлахъ; смѣюсь, когда мнѣ весело - не могу и не хочу поддѣлываться ни подъ кого.

КОНРАДЪ. Да только вамъ не слѣдуетъ выказывать этого, пока вы еще не совершенно самостоятельны. Вы были въ ссорѣ съ вашимъ братомъ, примирились съ нимъ нѣдавно - и если хотите утвердиться, такъ сказать, пустить корни въ его добромъ расположеніи, такъ должны сами позаботиться о хорошей погодѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Я согласенъ лучше быть репейникомъ на волѣ, нежели розаномъ въ его цвѣтникѣ; кровь моя говоритъ, что лучше быть ненавистнымъ для всѣхъ, нежели лестью втереться къ кому-нибудь въ милость. Меня не могутъ назвать честнымъ льстецомъ, зато должны сознаться, что я прямодушный негодяй. Мнѣ довѣряютъ, надѣвши на меня намордникъ, и даютъ свободу, наложивши кандалы на ноги. Такъ не хочу же пѣтъ въ клѣткѣ! Говорю прямо: дай мнѣ волю - я буду кусаться. Тебѣ не измѣнить меня: останусь тѣмъ, чѣмъ создала меня природа.

КОНРАДЪ. Неужели вы не придумаете, на что употребить вашу досаду?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Я употребляю ее на все возможное, потому что съ досады готовъ на все, и все, что ни дѣлаю, дѣлаю съ досады.

Входитъ БОРАХІО.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Кто это? Что скажешь, Борахіо?

БОРАХІО. Я прямо съ великолѣпнаго ужина. Леонато царски угощаетъ вашего брата. Могу сообщить вамъ новость: затѣвается свадьба.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Въ доказательство людской глупости? Кто же этотъ дуракъ, который самъ лѣзетъ въ петлю?

БОРАХІО. Кто? правая рука вашего брата.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Знаменитый Клавдіо?

БОРАХІО. Онъ самый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Великодушный рыцарь! А на комъ же? на комъ? Куда онъ мѣтитъ?

БОРАХІО. На Геро, дочь и наслѣдницу Леонато.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Истинно заморская пташка! Какъ ты это узналъ?

БОРАХІО. Мнѣ приказали покурить въ комнатахъ. Вхожу я въ залу, вижу - принцъ и Клавдіо ходятъ рука объ руку и о чемъ-то серьезно разговариваютъ. Я за коверъ - и слышу: рѣшили, что принцъ посватаетъ

Геро и, получивъ согласіе, отдастъ ее графу Клавдіо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Пойдемъ же; тутъ мнѣ есть на чемъ выместить досаду: этотъ выскочка-молокосось причиною моего паденія, и если можно подставить ему ногу, такъ я очень радъ. На васъ, надѣюсь, - можно положиться? Вы за меня.

КОНРАДЪ. По гробъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Пойдемъ же на этотъ великолѣпный ужинъ. Они пируютъ и радуются моему паденію. Гм! если бы поваръ думалъ по-моему! Что жъ, идемъ? Тамъ увидимъ, что дѣлать.

БОРАХІО. Мы къ вашимъ услугамъ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Залъ въ домѣ Леонато.

Входятъ Леонато, Антонио, Геро, Беатриче и другіе.

ЛЕОНАТО. Графъ Жуанъ не былъ за ужиномъ?

АНТОНИО. Я его не видалъ.

БЕАТРИЧЕ. Что за кислое лицо у этого человѣка! У меня дѣлается изжога, когда я его вижу.

ГЕРО. Угрюмая натура.

БЕАТРИЧЕ. Вот былъ бы прекрасный человѣкъ: нѣчто среднее между нимъ и Бенедиктомъ. Одинъ, какъ статуя, вѣчно молчитъ; другой, какъ матушкинъ сынокъ, вѣчно болтаетъ.

ЛЕОНАТО. Итакъ, полъ-языка Бенедикта во рту графа Жуана и половина его кислаго выраженія на лицѣ Бенедикта?

БЕАТРИЧЕ. Прибавьте къ этому стройныя ноги, дядюшка, да побольше денегъ въ кошелекъ - такой человѣкъ покоритъ хоть какую женщину, если только она согласится.

ЛЕОНАТО. Право, племянница, съ такимъ злымъ языкомъ ты никогда не выйдешь замужъ.

АНТОНИО. Дѣйствительно, язычекъ у тебя ужъ черезчуръ востеръ.

БЕАТРИЧЕ. Большая потеря! говорятъ: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

ЛЕОНАТО. И тебѣ не дастъ.

БЕАТРИЧЕ. Да, потому что не дастъ мужа, о каковомъ благодѣяніи и молю его денно и noctно. Боже! мужъ съ бородой! Терпѣть прикосновеніе этой щетки! Нѣтъ, я согласнѣе спать на соломѣ безъ простыни.

ЛЕОНАТО. Можешь попасть и на безбородаго.

БЕАТРИЧЕ. А что мнѣ съ нимъ дѣлать? нарядить его въ мои юбки и приставить къ себѣ горничной? Человѣкъ съ бородой уже не юноша; безъ бороды еще не мужъ; если онъ уже не юноша, онъ не по-мнѣ, если еще не мужъ, я не по-немъ. Нѣтъ, лучше наймусь за шесть пенсовъ къ какому-нибудь бородатому вожаку медвѣдей - отводить его обезьянъ въ преисподнюю.

ЛЕОНАТО. Прекрасно; такъ ты охотнѣе пойдешь въ адъ?

БЕАТРИЧЕ. Нѣтъ, только до входа; тамъ встрѣтитъ меня старый рогоносецъ Сатана и скажетъ: «идите на небеса, Беатриче, идите на небеса: здѣсь для васъ, дѣвъ, нѣтъ мѣста». Тогда я вручу ему обезьянъ, а сама на небо къ святому Петру; и святой Петръ укажетъ мнѣ, гдѣ сидятъ холостяки - и заживемъ мы припѣваючи.

АНТОНИО (*къ Геро*). А вы, племянница, надѣюсь, послушаетесь вашего отца?

БЕАТРИЧЕ. Конечно, сестрица вмѣнитъ себѣ въ непремѣнную обязанность присѣсть и сказать: «какъ вамъ угодно, папенька». (*Геро*.) Только послушай, сестрица: онъ долженъ быть молодець-молодцомъ; иначе совѣтую присѣсть еще разъ и сказать: «какъ мнѣ угодно, папенька».

ЛЕОНАТО. Хорошо, племянница, хорошо! Впрочем, я все-таки не теряю надежды увидѣть тебя когда-нибудь замужемъ.

БЕАТРИЧЕ. Когда Богъ создастъ мужчину не изъ земли. Не обидно ли подумать, что мною станеть помыкать сильный кусокъ глины? отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи противной кочкѣ? Нѣтъ, дядюшка, не хочу! Сыны Адама мнѣ братья, и я считаю грѣхомъ выйти за родственника.

ЛЕОНАТО. Не забудь, Геро, о чемъ я тебѣ говорилъ. Если принцъ заведетъ объ этомъ рѣчь - ты знаешь, что ему отвѣчать.

БЕАТРИЧЕ. Онъ согрѣшитъ противъ музыки, если посватается за тебя не въ тактъ. Скажи ему тогда, что во всемъ должно наблюдать мѣру - и протанцуй ему твой отвѣтъ. Потому что, вотъ видишь ли, милая Геро, сватовство, женитьба и раскаяніе похожи на шотландскій джигъ, менуетъ и *cinq-pas*. Сватовство горячо и бурно, какъ джигъ; женитьба - чинно-церемонна, какъ степенный прадѣдовскій менуэтъ; а потомъ является раскаяніе, разбитое на ноги, и спотыкается въ *cinq-pas* все чаще и чаще, пока не упадетъ въ могилу.

226

ЛЕОНАТО. Ты на все смотришь косо, племянница.

БЕАТРИЧЕ. У меня зоркіе глаза: днемъ я могу разглядѣть церковь.

ЛЕОНАТО. Маски! Дадимъ имъ мѣсто, братья.

(Всѣ надѣваютъ маски.)

Входятъ ДОНЪ-ПЕДРО, КЛАВДІО, БЕНЕДИКТЪ, БАЛЬТАЗАРЪ, ДОНЪ-ЖУАНЪ,
БОРАХІО, МАРГАРИТА, УРСУЛА *и другіе въ маскахъ.*

ДОНЪ-ПЕДРО *(Геро)*. Не угодно ли вамъ пройти съ вашимъ поклонникомъ?

ГЕРО. Если вы пойдете тихо и въ краснорѣчивомъ молчаніи, я готова итти, особенно готова итти прочь.

ДОНЪ-ПЕДРО. Со мною?

ГЕРО. Да, если мнѣ вздумается.

ДОНЪ-ПЕДРО. А когда вамъ это вздумается?

ГЕРО. Когда мнѣ понравится ваше лицо; избави Боже, если скрипка похожа на футляръ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Моя маска - хижина Филемона; внутри - Зевесъ.

ГЕРО. Такъ отчего же на ней нѣтъ соломы?

(Уходятъ въ глубину сцены.)

МАРГАРИТА. Говорите тише, если вы говорите о любви.

БАЛЬТАЗАРЪ. Полюбите же меня.

МАРГАРИТА. Нѣтъ, мнѣ васъ жаль: у меня много дурныхъ привычекъ.

БАЛЬТАЗАРЪ. Напримѣръ?

МАРГАРИТА. Я молюсь вслухъ.

БАЛЬТАЗАРЪ. Тѣмъ лучше, слушающій можетъ произнести: «аминь».

МАРГАРИТА. О Господи! пошли мнѣ хорошаго танцора!

БАЛЬТАЗАРЪ. Аминь!

МАРГАРИТА. И удали его съ глазъ, когда кончится танецъ! Отвѣчай же, дьячокъ.

БАЛЬТАЗАРЪ. Ни слова больше. *(Проходятъ)*.

УРСУЛА. Я очень хорошо васъ знаю: вы синьоръ Антонио.

АНТОНИО. Честное слово, нѣтъ.

УРСУЛА. Знаете, почему я васъ узнала? у васъ голова трясется.

АНТОНИО. Сказать вамъ правду, такъ я нарочно ему подражаю.

УРСУЛА. Куда вамъ это дѣлать такъ отлично дурно, если вы не онъ. Вотъ и сухая, какъ бумага, рука его: это вы, вы!

АНТОНИО. Честное слово, нѣтъ.

УРСУЛА. Полноте, какъ будто я не узнаю васъ по несравненному остроумію! Таланта не скроешь. Не спорьте, я угадала. Геній высказывается. *(Уходятъ дальше)*.

БЕАТРИЧЕ. И вы не хотите сказать, кто вамъ это говорилъ?

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ, извините.

БЕАТРИЧЕ. Скажете ли вы, по крайней мѣрѣ, кто вы?

БЕНЕДИКТЪ. Теперь - нѣтъ.

БЕАТРИЧЕ. Что я вычитала всѣ мои остроты изъ «Ста веселыхъ сказокъ» - я знаю: это сказалъ вамъ синьоръ Бенедиктъ.

БЕНЕДИКТЪ. Кто это?

БЕАТРИЧЕ. Я увѣрена, что вы его очень хорошо знаете.

БЕНЕДИКТЪ. Увѣрю васъ, что нѣтъ.

БЕАТРИЧЕ. Неужели онъ никогда не заставлялъ васъ смѣяться?

БЕНЕДИКТЪ. Да скажите же, пожалуйста, кто онъ?

БЕАТРИЧЕ. Принцевъ шутъ, шутъ довольно плоскій; умѣетъ только клеветать вѣ всякаго вѣроятія; нравится только повѣсамъ и негодьямъ и то не за остроуміе, а за плутовство; онъ смѣшитъ и сердитъ, надъ нимъ смѣются и бьютъ его. Онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь здѣсь лавируетъ. Желательно, чтобы онъ причалилъ ко мнѣ.

БЕНЕДИКТЪ. Если я съ нимъ познакомлюсь, я перескажу ему ваши слова.

БЕАТРИЧЕ. Сдѣлайте одолженіе. Вы увидите: онъ разразится надо мною какимъ-нибудь сравненіемъ, и если случится, что никто этого не замѣтитъ и не засмѣется, такъ онъ и носъ повѣситъ - а за ужиномъ спасена какая-нибудь куропатка: ему ничего въ ротъ не пойдетъ. *(Музыка за сценой.)* Мы должны слѣдовать за передовыми.

БЕНЕДИКТЪ. Ко всему доброму.

БЕАТРИЧЕ. Конечно, если они поведутъ насъ къ худому, такъ я оставлю васъ при первомъ турѣ. *(Танцы. Уходятъ всѣ, кромѣ Донъ-Жуана, Борахио и Клавдіо.)*

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Мой братъ влюбленъ въ Геро - это ясно; онъ отвелъ отца ея въ сторону сдѣлать ему предложеніе. Дамы ушли за нею и осталась одна только маска.

БОРАХИО. Это Клавдіо, я узнаю его по походкѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(подходитъ къ Клавдіо)*. Вы не синьоръ ли Бенедиктъ?

КЛАВДІО. Вы угадали: да.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Послушайте: вы очень близки съ моимъ братомъ. Онъ влюбленъ въ Геро. Пожалуйста, отговорите его: она ему не пара. Вы сдѣлаете благородный поступокъ.

КЛАВДІО. Почему вы знаете, что онъ ее любитъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Я слышалъ собственными ушами, какъ онъ ей въ этомъ клялся.

227

БОРАХІО. Я тоже. Онъ поклялся, что женится на ней сегодня же.
ДОНЪ-ЖУАНЪ. Пойдемте въ залу.

(Донъ-Жуанъ и Борахіо уходятъ.)

КЛАВДІО.

Я отвѣчалъ ему за Бенедикта,
Но вѣсть кольнула въ сердце мнѣ. О, дружба!
Тебѣ нельзя довѣрить тайны сердца.
Измѣнница при встрѣчѣ съ красотой,
Ты таешь въ разгорѣвшейся крови,
Какъ воскъ въ огнѣ! О, кто бы могъ подумать!
Онъ обмануль меня! Прости же, Геро!

Входитъ БЕНЕДИКТЪ.

БЕНЕДИКТЪ. Графъ Клавдіо?

КЛАВДІО. Онъ самый.

БЕНЕДИКТЪ. Хотите итти со мной?

КЛАВДІО. Куда?

БЕНЕДИКТЪ. Къ ближайшей ивѣ, по вашему собственному дѣлу, графъ. Какъ намѣрены вы носить вашу гирлянду: на шеѣ, какъ цѣпь ростовщика, или черезъ плечо, какъ лейтенантскій шарфъ? Какъ-нибудь да надо же вамъ ее носить: принцъ подцѣпилъ вашу Геро.

КЛАВДІО. Желаю ему веселиться.

БЕНЕДИКТЪ. Хорошо сказано. Однако, согласитесь, вы не ожидали, чтобы онъ сыгралъ съ вами такую штуку?

КЛАВДІО. Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ.

БЕНЕДИКТЪ. Ну вотъ, вы бьете, какъ слѣпой: шалунъ стянулъ лакомство, а вы по столу.

КЛАВДІО. Если *вы* не хотите меня оставить, такъ я васъ оставлю. *(Уходитъ.)*

БЕНЕДИКТЪ. Увы, бѣдная, подстрѣленная птичка, спрячься въ травку! Однако странно, что Беатриче и знаетъ и не знаетъ меня. Принцевъ шутъ! Что жъ, можетъ-быть, я и окрещенъ этимъ названіемъ за мою веселость. Нѣтъ, однакоже я несправедливъ къ самому себѣ. Я не такъ еще ославленъ: это только злой, ѣдкій языкъ Беатриче чествуетъ меня этимъ титуломъ, присвоивая себѣ голосъ свѣта. Отмщу, какъ съумѣю.

Донъ-Жуанъ возвращается.

ДОНЪ-ПЕДРО. Гдѣ же графъ, синьоръ? Видѣли ли вы его?

БЕНЕДИКТЪ. Признаться вамъ, я разыгралъ роль молвы. Я нашелъ его здѣсь, томно-одинокого, какъ хижину въ лѣсу; я сказалъ ему - кажется, правду? – что ваше

высочество приобрѣли благосклонность Геро, и предложилъ проводить его къ ближайшей ивѣ, чтобы сплестъ для него, забытаго, гирлянду, или связать ему розгу, потому что его стоитъ высѣчь.

ДОНЪ-ПЕДРО Высѣчь? за что?

БЕНЕДИКТЪ. За школьную глупость, за то, что онъ нашель птичье гнѣздо и, въ восторгѣ, показаль его товарищу, а тотъ и украль птичку.

ДОНЪ-ПЕДРО Довѣрчивость ты вмѣняешь ему въ вину? Виновать воръ.

БЕНЕДИКТЪ. А всѣ-таки не мѣшало бы связать розгу и сплестъ гирлянду: гирлянда пригодилась бы для него, а розга - для васъ. Вѣдь, вы, кажется, стянули у него птичку?

ДОНЪ-ПЕДРО Я только выучу ее пѣть и возвращу владѣльцу.

БЕНЕДИКТЪ. Хорошо, если и она запоетъ на тотъ же ладъ.

ДОНЪ-ПЕДРО Беатриче на васъ сердита: кавалеръ ея говорилъ, что вы ее оскорбили.

БЕНЕДИКТЪ. Она сама обошлась со мною такъ, что и бревно не осталось бы равнодушнымъ. Дубъ, на которомъ есть еще хоть одинъ зеленый листокъ - и тотъ не смолчалъ бы; даже маска на лицѣ моемъ начала, кажется, оживать и браниться съ нею. Не подозрѣвая, что это я, она вдругъ говоритъ мнѣ, что я шутъ принца, что я тупъ, какъ пятка - и пошла и пошла! Насмѣшка за насмѣшкой посыпались съ такой невѣроятной быстротою, что я сталъ какъ мишень для выстрѣловъ цѣлой арміи. У ней не языкъ, а бритва: каждое слово такъ и рѣжетъ! Будь ея дыханіе такъ же ядовито, какъ слова - въ цѣломъ мірѣ не осталось бы ни одного живого существа: она отравила бы все, до полярной звѣзды. Я на ней не соглашусь жениться, хоть самъ Адамъ дай ей въ приданое все, что имѣлъ до грѣхопаденія. Она и Геркулеса засадить за вертель; мало того, заставить его и палицу свою поколоть на лучины. Это адская Ате въ модной юбкѣ. Хоть бы какой-нибудь колдунъ заговорилъ насъ отъ нея! Покамѣстъ она здѣсь, въ преисподней живетъ спокойно, какъ въ церкви - и люди нарочно грѣшатъ, потому что имъ хочется туда попасть. Кто не радъ избавиться отъ ссоръ, отъ смуть, отъ клеветы, отъ всѣхъ неразлучныхъ съ нею спутниковъ?

Входятъ КЛАВДІО. БЕАТРИЧЕ. ГЕРО и ЛЕОНАТО.

ДОНЪ-ПЕДРО Вотъ и она!

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь порученія на конецъ свѣта? Я готовъ сходить къ антиподамъ за пустѣйшимъ дѣломъ, готовъ сбѣгать за зубочисткой въ

отдаленнѣйшій уголокъ Азіи, принести вамъ мѣрку съ ноги попа Ивана, волосокъ изъ бороды великаго могола. Мнѣ легче сходить къ пигмеямъ, нежели обмѣняться тремя словами съ этой гарпіей. Нѣтъ ли у васъ порученія?

ДОНЪ-ПЕДРО Есть одна просьба: останьтесь здѣсь.

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ, это выше моихъ силъ! Трещетки для меня невыносимы. *(Уходитъ.)*

ДОНЪ-ПЕДРО (*Беатриче*). Вы потеряли сердце Бенедикта.

БЕАТРИЧЕ. Дѣйствительно, онъ давалъ мнѣ его займы; впрочемъ, я заплатила ему за это проценты: отдала двойное сердце за простое. Онъ выигралъ его у меня когда-то мѣченными картами. Вы правы: я проиграла его.

ДОНЪ-ПЕДРО. Онъ палъ передъ вами, совершенно палъ.

БЕАТРИЧЕ. Хорошо, что не я передъ нимъ: дураковъ и безъ того много родится. Вотъ графъ Клавдіо, за которымъ вы меня послали.

ДОНЪ-ПЕДРО. Что это, графъ, отчего вы такъ печальны?

КЛАВДІО. Я не печалень.

ДОНЪ-ПЕДРО. Такъ больны?

КЛАВДІО. И то нѣтъ.

БЕАТРИЧЕ. Графъ ни печалень, ни боленъ, ни веселъ, ни здоровъ: онъ только нѣженъ и желтъ, какъ апельсинъ; а желтый цвѣтъ, извѣстно, цвѣтъ ревности.

ДОНЪ-ПЕДРО. Чуть ли это не правда, хотя въ такомъ случаѣ я готовъ побожиться, что его обманываетъ воображеніе. Клавдіо, я посватался отъ твоего имени - и Геро согласна; отецъ ея тоже. Назначь день свадьбы - и да благословить тебя Богъ!

ЛЕОНАТО. Графъ, я отдаю вамъ дочь и съ нею мое богатство.

БЕАТРИЧЕ. Говорите же, графъ: это ваша реплика.

КЛАВДІО. Молчаніе лучшій герольдъ радости! Мало былъ бы я счастливъ, если бы могъ сказать, насколько. Вы - моя, Геро, я - вашъ; я отдаю себя за васъ и безъ ума отъ этой мѣны.

БЕАТРИЧЕ. Говори, сестрица; а если не можешь, такъ закрой ему ротъ поцѣлуемъ: пусть и онъ молчитъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Право! У васъ веселое сердце!

БЕАТРИЧЕ. Да, спасибо ему, бѣдняжкѣ: оно не поддается грусти. Кузина говоритъ ему на ухо, что она его любитъ.

КЛАВДІО. Это правда, сестрица.

БЕАТРИЧЕ. Господи! Опять свадьба! Всѣ выходятъ замужъ, только я, чернушка, не выхожу: приходится сѣсть въ уголъ и кричать: будьте жалостливы! мужа! мужа! мужа!

ДОНЪ-ПЕДРО. Извольте, я вамъ достану!

БЕАТРИЧЕ. Лучше доставилъ бы мнѣ его вашъ отецъ. Нѣтъ ли у вашего высочества брата, такого, какъ вы? Отецъ вашъ производилъ прекрасныхъ мужей; нашлась бы только дѣвушка имъ подъ пару.

ДОНЪ-ПЕДРО. Хотите вы за меня?

БЕАТРИЧЕ. Нѣтъ; развѣ найдется еще другой, будничный мужъ: вы слишкомъ драгоцѣнны, чтобы носить васъ каждый день. Извините, ваше высочество, я ужъ такъ создана: не могу не болтать пустяковъ!

ДОНЪ-ПЕДРО. О, ваше молчаніе мнѣ не нравится; веселость же вамъ къ лицу! Нѣтъ сомнѣнія, что вы родились въ веселую минуточку.

БЕАТРИЧЕ. Ошибаетесь: матушка страдала; но въ то же время на небесахъ плясала звѣзда - и я вступила въ свѣтъ подъ ея вліяніемъ. (*Къ Геро и Клавдіо.*) Дай Богъ вамъ счастья!

ЛЕОНАТО. Племянница, не угодно ли вамъ позаботиться, о чемъ я васъ просилъ?

БЕАТРИЧЕ. Ахъ, извините дядюшка! сейчасъ. Честь имѣю кланяться, ваше высочество. (*Уходитъ.*)

ДОНЪ-ПЕДРО. Веселая дѣвушка.

ЛЕОНАТО. Да; грустной стихіи въ ней мало. Она серьезна только когда спитъ, и то не всегда. Дочь говорила мнѣ, что иногда ей снится что-нибудь непріятное, а просыпается она со смѣхомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Не можетъ выносить, когда ей говорятъ о мужѣ.

ЛЕОНАТО. Ни за что! Всѣхъ жениховъ прогоняетъ насмѣшками.

ДОНЪ-ПЕДРО. А Бенедикту она была бы очень подъ пару.

ЛЕОНАТО. О, Господи! они въ недѣлю заговорили бы другъ друга до смерти.

ДОНЪ-ПЕДРО. Графъ, когда вы думаете вѣнчаться?

КЛАВДІО. Завтра, ваше высочество. Время тащится на костыляхъ, пока любовь не вступитъ во всѣ права свои.

ЛЕОНАТО. Нѣтъ, любезный зятюшка, не раньше понедѣльника, то-есть ровно черезъ недѣлю - и то я едва успѣю распорядиться всѣмъ, какъ мнѣ хочется.

ДОНЪ-ПЕДРО. Ты покачиваешь головою на долгую отсрочку, но я ручаюсь тебѣ, Клавдіо, что мы не будемъ скучать это время: я предприму на досугъ геркулесовскій подвигъ: постараюсь влюбить другъ въ друга Бенедикта и Беатриче. Мнѣ ужасно хочется соединить эту парочку - и я увѣренъ въ успѣхѣ, если вы трое согласитесь дѣйствовать по моимъ указаніямъ.

229

ЛЕОНАТО. Я готовъ не спать десять ночей.

КЛАВДІО. Я тоже.

ДОНЪ-ПЕДРО. А вы, Геро?

ГЕРО. Я охотно сдѣлаю все, что прилично, чтобы доставить кузинѣ добраго мужа.

ДОНЪ-ПЕДРО. А Бенедиктъ, смѣло можно сказать, не изъ послѣднихъ. Благороднаго происхожденія, храбръ и честенъ. Я научу васъ, какъ настроить кухню, чтобы она влюбилась въ Бенедикта; а я, съ вашею помощію, такъ обработаю Бенедикта, что, на зло своему живому остроумію и прихотливому вкусу, онъ влюбится въ Беатриче. Если намъ удастся - Купидонъ разжалованъ изъ стрѣлковъ; слава его озаритъ насъ, единственныхъ боговъ любви. Пойдемте за мною; я расскажу вамъ мой планъ.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Другая комната въ домѣ Леонато.

Входятъ ДОНЪ-ЖУАНЪ и БОРАХІО.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Это дѣло рѣшенное: Клавдіо женится на дочери Леонато.

БОРАХІО. Такъ; только я могу помѣшать.

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Всякая задержка, всякое препятствіе для меня лекарство; я боленъ ненавистью къ нему; всё, что противорѣчитъ его желаніямъ, согласно съ моими. Какъ можешь ты помѣшать этой свадьбѣ?

БОРАХІО. Не очень честно, но зато очень ловко: плутовства не замѣтятъ.

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Объяснись короче.

БОРАХІО. Съ годъ назадъ, кажется, я говорилъ вамъ, что очень близко къ Маргаритой, камеръ-юнгферой Геро?

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Помню.

БОРАХІО. Я могу уговорить ее выглянуть въ какой угодно часъ ночи изъ окна Геро.

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Хорошо; но какъ же это разстроить свадьбу?

БОРАХІО. Выжать ядъ - ваше дѣло. Ступайте къ вашему брату, принцу, скажите ему, что бракъ знаменитаго Клавдіо - не покупитесь на похвалы ему - съ такой грязной женщиной, какъ Геро, оскорбителенъ для его чести.

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Какія же могу я представить доказательства?

БОРАХІО. А такія, что принцъ будетъ обмануть, Геро погублена, Леонато убитъ, Клавдіо раненъ въ самое сердце. Неужели этого мало?

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Я готовъ на все, лишь бы хоть подразнить ихъ.

БОРАХІО. Ступайте же, отыщите случай поговорить съ донь-Педро и Клавдіо наединѣ. Скажите имъ, что Геро влюблена въ меня, что вы знаете это навѣрно; притворитесь, что васъ побуждаетъ говорить чувство преданности къ принцу и Клавдіо, что вы открыли это, дорожа честью вашего брата, который былъ сватомъ и доброю славою его друга, котораго хотятъ обмануть личиною дѣвчества. Едва ли повѣрятъ они этому на слово. Предложите имъ доказать истину. Они увидятъ меня подъ окномъ ея спальни, услышатъ, какъ я зову Маргариту - Геро, а Маргарита называетъ меня своимъ Борахіо. Все это можно устроить въ ночь наканунѣ свадьбы. Я ужъ сдѣлаю такъ, что Геро будетъ въ отсутствіи, и выставлю невѣрность ея такъ правдоподобно, что ревность не усомнится ни на минуту, - и всё сборы къ свадьбѣ рушатся.

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Надѣлай этихъ бѣдъ сколько судьбъ угодно - я готовъ. Если ты ловко разыграешь свою роль, дарю тебѣ тысячу червонцевъ.

БОРАХІО. Обвиняйте ее только рѣшительнѣе, я ужъ не дамъ промаха.

ДОНЬ-ЖУАНЪ. Пойду узнать, когда назначена свадьба. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА III

Садъ Леонато.

Входятъ БЕНЕДИКТЪ. и МАЛЬЧИКЪ.

БЕНЕДИКТЪ. Послушай!

МАЛЬЧИКЪ. Синьоръ?

БЕНЕДИКТЪ. У меня въ комнатѣ лежитъ на окнѣ книга: принеси ее сюда въ садъ.

МАЛЬЧИКЪ. Сейчасъ. *(Уходитъ.)*

БЕНЕДИКТЪ. Удивляюсь, какъ человѣкъ, который видитъ, какъ глупъ и смѣшонъ влюбленный - какъ такой человѣкъ, вдоволь насмѣявшись надъ глупостью

другихъ, влюбляется, наконецъ, самъ и дѣлается предметомъ собственныхъ насмѣшекъ. Вотъ, на примѣръ, Клавдіо: помню еще то время, когда ему нравилась только одна музыка – барабанъ и трубы, а теперь онъ охотнѣе слушаетъ тамбуринъ и флейту. Бывало, десять миль готовъ пройти пѣшкомъ - посмотрѣть хорошій панцырь, а теперь готовъ не спать десять ночей, обдумывая покрой новаго платья. Прежде онъ говорилъ, бывало, безъ обиняковъ, прямо, какъ честный человѣкъ и солдатъ; теперь онъ витія: рѣчь его - фантастическій пиръ: что ни слово, то блюдо на удивленіе! Неужто и со мной можетъ случиться такое же превращеніе? Не знаю: думаю

230

однакоже, что нѣтъ; божиться не хочу, что Купидонъ не превратитъ меня въ устрицу, но клянусь, что устрицей не устрицей, а такимъ дуракомъ по его милости, никогда не сдѣлаюсь. Положимъ, одна женщина хороша собою - хорошо; другая умна - въ добрый часъ; третья добродѣтельна - съ чѣмъ ее имѣю честь поздравить; но пока все завлекательное не соединится въ одной, я и не завлекусь ни одной. Она должна быть богата - непременно, объ этомъ и говорить нечего; умна - или по мнѣ хоть вовсе не будь ея на свѣтѣ; добродѣтельна, иначе я не дамъ за нее и гроша; хороша собой, а не то не показывайся и на глаза; кротка - или не подходи ко мнѣ близко; благородна, жива въ разговорѣ, хорошая музыкантша; а насчетъ волосъ, русые они или черные, какъ Богу угодно, лишь бы не крашены. А, принцъ и нашъ синьоръ Аморе! Спрячусь. (*Прячется въ чащу.*)

Входятъ Донъ-Педро, Леонато и Клавдіо.

ДОНЪ-ПЕДРО

Ну, что жъ, споетъ онъ намъ романсъ?

КЛАВДІО.

Конечно.

Какъ вечеръ тихъ: все въ воздухѣ замолкло,
Чтобъ дать гармоніи просторъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*тихо*).

Ты видѣлъ,
Какъ ясный соколъ нашъ порхнулъ въ кусты?

КЛАВДІО (*тихо*).

И очень видѣлъ: выслушавши пьесу,
Разставимъ сѣть.

Входитъ Бальтазаръ съ музыкантами.

ДОНЪ-ПЕДРО.

А вотъ и Бальтазаръ!

Пропой-ка намъ еще разъ твой романсъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вы слишкомъ добры, принцъ; не заставляйте
Безчестить музыку плохимъ искусствомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Старинная художниковъ замашка:
Бранить свой собственный талантъ. Ну, спой же,
Не заставляй молить себя напрасно,
Какъ дѣвушку-невѣсту.

БАЛЬТАЗАРЪ..

Какъ невѣсту?
Извольте, я спою. Невѣстамъ часто
Приходится выслушивать мольбы
Отъ тѣхъ, кто цѣнить ихъ не высоко,
Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ни мольбамъ,
Ни даже клятвамъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Полно; начинай
Иль отговаривайся хоть и дольше,
Да только нотами.

БАЛЬТАЗАРЪ. Прежде, нежели услышите мои ноты, позвольте сообщить вамъ ноту, что въ моихъ нотахъ нѣтъ ничего такого, что бы заслуживало какой-нибудь нотаціи.

ДОНЪ-ПЕДРО. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ трехвязными нотами: ноты, нота и нотація! (*Музыка*).

Бенедиктъ (*въ сторону*). Началось! Божественная арія! Растаялъ! Не странно ли, что овечьи кишки вытягиваютъ душу человѣка? Хорошо; протрубите сборъ моимъ деньгамъ, когда все кончится.

БАЛЬТАЗАРЪ (*поетъ*).

Не плачь, красавица! Слезами
Его любви не возвратить.
Смѣется онъ. Играть сердца
Никто ему не запретить.
Не пой: печальныхъ пѣсень звуки
Больной души не исцѣлятъ;
Они удвоятъ только муки
И раны сердца растравятъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Славная пѣсня.

БАЛЬТАЗАРЪ. И плохой пѣвецъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Что? Нѣтъ, право, нѣтъ: ты поешь недурно.

БЕНЕДИКТЪ. Провой имъ это собака - они повѣсили бы ее. Дай только Богъ, чтобы это карканье не напророчило бѣды! Я съ такимъ же удовольствіемъ выслушалъ бы ночного ворона, вѣстника ужаснѣйшихъ несчастій.

ДОНЪ-ПЕДРО (*Клавдіо*). Да, конечно. Слышишь, Бальтазаръ? Пожалуйста, добудь намъ музыку получше: завтра вечеромъ намъ хочется дать серенаду подь окнами Геро.

БАЛЬТАЗАРЪ. Постараюсь, ваше высочество.

ДОНЪ-ПЕДРО. Пожалуйста. Прощай. (*Бальтазаръ и музыканты уходятъ*). О чемъ, бишь, вы говорили мнѣ сегодня, Леонато? Что племянница ваша, Беатриче, влюблена въ Бенедикта?

КЛАВДІО. Да. (*Тихо.*) Подкрадывайтесь: птичка слушаетъ. (*Вслухъ.*) Никогда бы я не повѣрилъ, что она можетъ влюбиться.

ЛЕОНАТО. Я тоже; а что всего удивительнѣе, такъ это то, что она влюбилась именно въ Бенедикта, котораго, повидимому, просто ненавидѣла.

БЕНЕДИКТЪ. Возможно ли? Такъ вотъ откуда дуетъ вѣтеръ?

ЛЕОНАТО. Право, я самъ не знаю, что объ этомъ думать, - и влюбиться до такого безумія - это непостижимо.

231

ДОНЪ-ПЕДРО. Можетъ-быть, она притворяется.

КЛАВДІО. Въ самомъ дѣлѣ, это довольно вѣроятно.

ЛЕОНАТО. Боже мой! притворяется! Нѣтъ, притворная страсть никогда не сближалась до такой степени съ истинною.

ДОНЪ-ПЕДРО. Да изъ чего же это видно?

КЛАВДІО (*тихо*). Не жалѣйте приманки: рыбка ужъ открыла ротъ.

ЛЕОНАТО. Изъ чего? Сидить... Да, вѣдь, дочь моя вамъ уже рассказывала.

КЛАВДІО. Да, слышалъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Что такое? Пожалуйста, скажите! Я просто, въ изумленіи: я считалъ сердце ея рѣшительно недоступнымъ для любви.

ЛЕОНАТО. Я самъ готовъ былъ въ этомъ побожиться: особенно для любви къ Бенедикту.

БЕНЕДИКТЪ. Я счелъ бы это за штуку, если бы не эта сѣдая борода говорила: плутовство не можетъ скрываться подь такой почтенной наружностью.

КЛАВДІО (*тихо*). Ядъ принять - ускоряйте его дѣйствіе.

ДОНЪ-ПЕДРО. И она призналась ему въ любви?

ЛЕОНАТО. Нѣтъ; клянется даже, что никогда не признается. Въ томъ-то и состоитъ ея мученіе.

КЛАВДІО. Совершенная правда! Она безпрестанно повторяетъ вашей дочери: «я обходилась съ нимъ такъ гордо - и мнѣ написать ему, что я его люблю?»

ЛЕОНАТО. Это она говорила въ то время, когда начинала писать къ нему. Потомъ она вставала разъ двадцать ночью и сидѣла въ одной сорочкѣ, пока не исписала цѣлаго листа кругомъ. Дочь все мнѣ рассказываетъ.

КЛАВДІО. Заговоривъ о листѣ бумаги, вы напомнили мнѣ одно забавное происшествіе, о которомъ рассказывала ваша дочь.

ЛЕОНАТО. А! Когда она написала его и стала перѣчитывать, то замѣтила, что имена Бенедикта и Беатриче въ складкахъ письма ложились одно на другое.

КЛАВДІО. Да.

ЛЕОНАТО. И она рветь его на мельчайшіе кусочки и бранить себя за нескромную мысль писать къ тому, который, разумѣется, только посмѣется надъ ней. «Я сужу - говорить она - по себѣ: я презирала бы его, если бы онъ вздумалъ писать ко мнѣ - да, презирала бы, несмотря на всю мою любовь!»

КЛАВДІО. Потомъ бросается на колѣни, плачетъ, рыдаетъ, бьетъ себя въ грудь, рветъ на себѣ волосы, клянется, молится: «Бенедиктъ! милый! Дай силы мнѣ, о Боже!»

ЛЕОНАТО. Да, все это рассказывала намъ Геро. Страсть овладѣла ею до такой степени, что дочь моя боится, какъ бы она съ отчаянья не сдѣлала чего надъ собою.

ДОНЪ-ПЕДРО. Не мѣшало бы увѣдомить объ этомъ Бенедикта стороною, если она сама не хочетъ признаться.

КЛАВДІО. Къ чему? Онъ обратитъ это въ шутку и будетъ мучить ее еще больше.

ДОНЪ-ПЕДРО. За это стоило бы его повѣсить: она прекраснѣйшая дѣвушка, достойная истиннаго уваженія.

КЛАВДІО. И съ умомъ необыкновеннымъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Во всемъ, кромѣ любви къ Бенедикту.

ЛЕОНАТО. Къ сожалѣнію, если умъ и кровь спорятъ въ такомъ нѣжномъ тѣлѣ, можно держать десять противъ одного, что кровь побѣдитъ. Я, какъ дядя и опекунъ, не могу не пожалѣть о ней.

ДОНЪ-ПЕДРО. Лучше бы она влюбилась въ меня: я пренебрегъ бы всѣми отношеніями и женился бы на ней. Пожалуйста, расскажите все это Бенедикту: послушаемъ, по крайней мѣрѣ, что онъ на это отвѣтитъ.

ЛЕОНАТО. Вы думаете, это будетъ хорошо?

КЛАВДІО. Геро твердо увѣрена, что она умретъ; она сама говоритъ, что умретъ, если онъ ее не полюбитъ; умретъ скорѣе, нежели признается ему въ любви; даже если онъ за нее посватается, то и тогда скорѣе умретъ, нежели отречется отъ своихъ обычныхъ сарказмовъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. И хорошо сдѣлаетъ: если она признается, дѣло очень возможное, что онъ станетъ насмѣхаться. Вы знаете, какъ онъ гордъ.

КЛАВДІО. А молодецъ!

ДОНЪ-ПЕДРО. Сложенъ очень красиво.

КЛАВДІО. Ну, да и умомъ не отсталъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Да; иногда у него проблескиваетъ даже что-то въ родѣ остроумія.

КЛАВДІО. Храбрый солдатъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Какъ Гекторъ - за это я ручаюсь; а что касается поединковъ, такъ даже мудрецъ: онъ или отвиливаетъ очень ловко, или идетъ на битву съ истинно-христіанскимъ страхомъ.

ЛЕОНАТО. Это доказываетъ, что въ немъ есть страхъ Господень: онъ всѣми силами старается хранить миръ или, если ужъ пришлось нарушить его, такъ ссорится со страхомъ и трепетомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Да страхъ Божій въ немъ живъ, несмотря на кое-какія иногда вольныя шутки. Жаль мнѣ вашей племянницы! Ну, пойдѣмъ, отыщемъ его и расскажемъ.

232

КЛАВДІО. Не говорите, ваше высочество! Лучше обратиться къ ней съ добрыми совѣтами.

ЛЕОНАТО. Это невозможно; она умретъ, а не образумится.

ДОНЪ-ПЕДРО. Обождемъ и послушаемъ, что скажетъ ваша дочь; между тѣмъ страсть, можетъ-быть, поостынетъ. Я люблю Бенедикта и желалъ бы, чтобы онъ оцѣнилъ себя со скромною разсудительностью: онъ увидитъ, что не стоитъ такой женщины.

ЛЕОНАТО. Угодно вамъ итти, ваше высочество? Пора обѣдать.

КЛАВДІО (*тихо*). Если послѣ этого онъ не сойдетъ отъ нея съ ума, такъ не знаю, какому разсчету и вѣрить!

ДОНЪ-ПЕДРО (*тихо*). Теперь устроимъ такую же ловушку и для Беатриче; это дѣло вашей дочери и ея камеръ-юнгферы. Вотъ будетъ забавно, если они вообразятъ себѣ, что влюблены другъ въ друга, а въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ! Хотѣлось бы посмотрѣть на эту сцену: нѣмая пантомима! Пошлемъ ее позвать его къ обѣду.

(Донъ-Педро, Клавдіо и Леонато уходятъ.)

БЕНЕДИКТЪ. Это не шутка: они разговаривали слишкомъ серьезно. Геро рассказала имъ всю правду. Они, кажется, сожалѣютъ о Беатриче: страсть ея дошла до крайней степени. Влюблена въ меня! За это надо отблагодарить. И какого они обо мнѣ мнѣнія: загордится, если узнаетъ, что она его любитъ! А она скорѣе умретъ, нежели подастъ хоть малѣйшій знакъ. Я никогда не думалъ жениться. Не надо казаться гордымъ. Счастливъ тотъ, кто слышитъ, что въ немъ порицаютъ: онъ можетъ исправиться. Она, говорятъ они, хороша собою: правда, это я самъ вижу; добродѣтельна - и противъ этого возразить нечего; умна - жаль только, что влюблена въ меня. Да, это, дѣйствительно, не рекомендуетъ ее со стороны ума, впрочемъ, не доказываетъ и глупости: я самъ влюблюсь въ нее на смерть. Конечно, въ меня пустятъ какую-нибудь пару истасканныхъ остротъ, крохи остроумія, за то, что я такъ долго проповѣдывалъ противъ брачной жизни. Да развѣ вкусъ не измѣняется? Иной въ молодости любить какое-нибудь кушанье, а въ старости терпѣть его не можетъ. Мужчинѣ ли бояться колкихъ словъ и нравоучительныхъ сужденій и ради ихъ сворачивать съ дороги? Нѣтъ; міръ долженъ быть населенъ. Я говорилъ, что умру холостымъ; что жъ, я тогда не думалъ, что доживу до свадьбы.

Входитъ БЕАТРИЧЕ.

БЕНЕДИКТЪ. Вотъ и Беатриче: клянусь дневнымъ свѣтиломъ - красавица! Я уже замѣчаю въ ней кое-какіе признаки любви.

БЕАТРИЧЕ. Меня противъ моей воли послали просить васъ къ обѣду.

БЕНЕДИКТЪ. Благодарю васъ за трудъ, милая Беатриче!

БЕАТРИЧЕ. Я столько же трудилась ради вашей благодарности, какъ вы сами: если бы позвать васъ составляло для меня трудъ, я не пришла бы.

БЕНЕДИКТЪ. Такъ это вамъ доставляетъ удовольствіе?

БЕАТРИЧЕ. На грошъ. Вы не голодны, синьоръ? Прощайте! (*Уходитъ.*)

БЕНЕДИКТЪ. А! Меня противъ воли послали просить къ обѣду - тутъ скрывается двойной смыслъ. Я столько же трудилась ради вашей благодарности, какъ вы сами - это то же самое, что трудиться для васъ мнѣ такъ же легко, какъ благодарить. Только негодяй можетъ не сжалиться надъ ней. Будь я жидъ, если не люблю ее! Сейчасъ же пойду заказать ея портретъ. (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Садъ Леонато.

Входятъ ГЕРО, МАРГАРИТА и УРСУЛА.

ГЕРО.

Сходи-ка въ залу, Маргарита: тамъ
Найдешь ты Клавдіо и Беатриче -
Они бесѣдуютъ о чемъ-то съ принцемъ.
Шепни ей на ухо, что мы съ Урсулой
Въ саду - и рѣчь идетъ о ней; скажи,
Что ты подслушала - и посовѣтуй
Пройти тайкомъ въ тѣнистую аллею,
Туда, гдѣ жимолость, густою сѣтью
Раскинувшись на солнечныхъ лучахъ,
Отъ свѣта и тепла загородила
Траву и домъ, какъ гордый царедворецъ,
Всесильный милостью царя, толпу
Отъ царской милости загородившій.
Тамъ можно скрыться и подслушать: это
Твоя забота - не испортъ, иди.

МАРГАРИТА.

Придетъ, ручаюсь вамъ. (*Уходитъ.*)

ГЕРО.

Смотри жъ, Урсула:

Какъ только лишь замѣтимъ Беатриче,
Сейчасъ заведемъ мы разговоръ

О немъ. Я назову его, а ты
Начни хвалить безъ мѣры и границъ.
На это я замѣчу, что бѣдняжка
Влюбился, къ сожалѣнью, въ Беатриче.
Повѣрь мнѣ, мѣткая стрѣла Амура
Вопьется въ слухъ и слухомъ ранить сердце.

(Беатриче показывается вдали).

Начнемъ. Смотри, она скользитъ въ травѣ,
Какъ пиголица, наостривши уши.

УРСУЛА.

Смотрѣть, какъ рыбка въ серебристой влагѣ
Спѣшитъ на вѣслахъ золотыхъ и жадно
Впивается въ предательскій крючокъ -
Вотъ истинное наслажденье ловли!
И точно такъ мы удимъ Беатриче.
Смотри, смотри: плутовка притаилась
Подъ тѣнью каприфолій. Начинай,
Я не отстану.

ГЕРО.

Пойдемъ поближе:
Она должна не проронить ни грана
Изъ сладостно-обманчивой приманки.
Нѣтъ, ни за что! Она высокомерна,
Пуглива и дика, какъ горный соколъ.

УРСУЛА.

Да полно, правда ли, что Бенедиктъ
Влюбленъ, какъ сумасшедшій, въ Беатриче?

ГЕРО.

Такъ говорятъ донъ-Педро и женихъ мой.

УРСУЛА.

И вамъ поручено сказать ей это?

ГЕРО.

Просили, да; но я отговорила:
Пусть онъ стораецъ затаенной страстью,
А ей не надо говорить.

УРСУЛА.

Однако
Ужели онъ не стоитъ Беатриче?

ГЕРО.

Не стоит? Онъ? О, нѣтъ! Клянусь Амуромъ,
Онъ стоитъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь:
Но въ ней природа создала образчикъ
Надменной женщины. Ея глаза
Сверкають гордостью; она на все
Глядитъ съ презрѣньемъ; по ея понятью,
Она сама стоитъ такъ высоко,
Что прочее не стоитъ и вниманья.
Съ такой любовью къ собственной особѣ
Нельзя не только-что любить другихъ,
Но даже и прикинуться влюбленной.

УРСУЛА.

Я то же думаю и, безъ сомнѣнья,
Ей говорить объ этомъ не годится:
Она его подыметъ на смѣхъ.

ГЕРО.

Да,
Ей дай хоть мудреца, хоть раскрасавца,
Она сейчасъ отыщетъ въ немъ порокъ:
Будь бѣлъ, румянь - такъ годенъ ей въ сестрицы;
Будь черенъ, смугль - такъ клякса отъ чернилъ;
Высокъ - такъ шесть, ушедшій съ голубятни;
Приземистъ - такъ камей дрянной работы;
Молчи - такъ пень, а говори - такъ флюгеръ.
Она во всемъ доищется изнанки,
А справедливой похвалы заслугъ
Отъ ней не жди.

УРСУЛА.

Да, правда, правда: въ ней
Есть страсть язвить - и это не похвально.

ГЕРО.

Колоть такъ зло, какъ колетъ Беатриче,
И какъ не принято никѣмъ, нигдѣ,
Не только не похвально - неприлично.
Но кто осмѣлится сказать ей это?
Осмѣлся я - бѣда! Ея насмѣшки
Со свѣта спонять, въ порошокъ сотрутъ.
Такой конецъ грозить и Бенедикту.
Нѣтъ, пусть онъ лучше обратится въ пепель
Отъ скрытаго огня своей любви,
Чѣмъ быть засмѣяну. Такая смерть
Ужаснѣе, чѣмъ смерть отъ щекотанья.

УРСУЛА.

Однако все-таки поговорите съ ней:
Услышимъ, что она отвѣтитъ.

ГЕРО.

Нѣтъ,
Ужъ если говорить, такъ лучше съ нимъ:
Подать ему спасительный совѣтъ -
Стараться сердце покорить разсудку.
Я, право, выдумаю про нее
Такъ что-нибудь, невинное. Кто знаетъ,
Какъ силенъ ядъ лукаваго словечка?

УРСУЛА.

Ну, нѣтъ, къ чему же обижать сестру?
Съ ея блестящимъ, правильнымъ умомъ
Она не можетъ быть такъ безразсудна,
Чтобъ отказать синьору Бенедикту.
Онъ рѣдкій человѣкъ.

ГЕРО.

Безспорно, первый
Во всей Италіи - и только графъ,
Женихъ мой, лучше Бенедикта.

УРСУЛА.

Нѣтъ,
Вы не сердитесь, если я скажу,
Что думаю: а Бенедиктъ, извѣстно,
Слыветъ первѣйшимъ смѣльчакомъ, красавцемъ
И умницей.

234

ГЕРО.

Да, въ этомъ всѣ согласны.

УРСУЛА.

И онъ вполнѣ достоинъ громкой славы.
Когда же свадьба?

ГЕРО.

Завтра, черезъ день.
Пойдемъ - я покажу тебѣ обновки;
Да посовѣтуй мнѣ, какъ приодѣться.

УРСУЛА (*тихо*).

Она на удочкѣ - ручаюсь вамъ.

ГЕРО (*тихо*).

Когда ее поймать намъ удалось,
То надо согласиться, что любовь
Случайно успѣваетъ. Купидонъ
Однихъ пронзаетъ острыми стрѣлами,
Другихъ же ловить хитрой западней.

(Геро и Урсула уходятъ.)

БЕАТРИЧЕ (*выходя изъ чащи*).

Возможно ли? Меня бранять за гордость!
Худую славу заслужила я!
Пора исправиться, пора смириться
И сердце, дикое, какъ горный соколъ,
Отдать ему ручнымъ. Прощай же, гордость!
Любовью на любовь отвѣчу я -
И насъ соединить союзъ священный.
Всѣ говорятъ: ты благородень храбръ,
Исполненъ доблести, любви достоинъ -
На что мнѣ отзывы чужихъ? Я вѣрю
Не имъ, а собственнымъ глазамъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Донъ-Педро, Клавдіо, Бенедиктъ и Леонато.

ДОНЪ-ПЕДРО. Я дождусь только окончанія вашей свадьбы и потомъ ѣду въ Арагонію.

КЛАВДІО. Позвольте мнѣ проводить васъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Нѣтъ, это значило бы помрачить блескъ новаго счастья; все равно, что показать ребенку обнову и не позволять надѣть ее. Я возьму себѣ въ спутники одного Бенедикта; онъ отъ темени до пятокъ олицетворенная веселость. Раза два или три уже перерѣзалъ онъ тетиву Купидона, такъ что маленькій палачъ не смѣлъ уже и стрѣлять по немъ. Сердце у него здорово, какъ колоколъ, и языкъ болтается въ немъ очень свободно. У него что на душѣ, то и на языкѣ.

БЕНЕДИКТЪ. Господа, я уже не тотъ, что былъ.

ЛЕОНАТО. Я тоже говорю: мнѣ кажется, вы стали серьезнѣе.

КЛАВДІО. Надѣюсь, онъ влюбленъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Онъ? этотъ пустозвонъ? Въ немъ нѣтъ и капли настоящей крови, въ которой могла бы вспыхнуть настоящая любовь. Если онъ не веселъ, такъ, значить, у него нѣтъ денегъ.

БЕНЕДИКТЪ. У меня зубъ болить.

ДОНЪ-ПЕДРО. Выдернуть его.

БЕНЕДИКТЪ. Повѣсить его.

КЛАВДІО. Прежде повѣсить, а потомъ выдернуть.

ДОНЪ-ПЕДРО. Какъ, вздыхать отъ зубной боли?

ЛЕОНАТО. Отъ какого-нибудь флюса?

БЕНЕДИКТЪ. Да, легко говорить тому, кто здоровъ.

КЛАВДІО. Я стою на своемъ: онъ влюбленъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Нѣтъ, господа, въ немъ нѣтъ и признака любви, исключая любви къ страннымъ костюмамъ: сегодня онъ - голландецъ, завтра - французъ, а послѣзавтра - разомъ двое: снизу нѣмецъ, а сверху испанецъ. Если онъ не влюбленъ въ эти глупости, такъ не сошелъ еще съ ума отъ любви.

КЛАВДІО. Нѣтъ, онъ влюбленъ въ женщину! Если я ошибаюсь, такъ послѣ этого нельзя вѣрить старымъ примѣтамъ. Онъ каждое утро гладитъ щеткою свою шляпу. Это что значить?

ДОНЪ-ПЕДРО. Видѣлъ его кто-нибудь у цырюльника?

КЛАВДІО. Все равно, цырюльника видѣли у него – и древнимъ украшеніемъ его ланить набито уже нѣсколько мячиковъ.

ЛЕОНАТО. То-то, я смотрю, онъ какъ-будто помолодѣлъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Натирается амброй - понимаете, чѣмъ это пахнетъ?

КЛАВДІО. Очень ясно: сахаръ-медовичъ влюбился.

ДОНЪ-ПЕДРО. И повѣсилъ носъ - это еще яснѣе.

КЛАВДІО. Когда прежде онъ умывался?

ДОНЪ-ПЕДРО. И румянился? Объ этомъ уже поговариваютъ.

КЛАВДІО. Остроуміе его вытянулось въ струнку томной лютни.

ДОНЪ-ПЕДРО. Плачевное обстоятельство! Да что тутъ толковать! Дѣло рѣшеное: онъ влюбленъ.

КЛАВДІО. А я такъ знаю, кто въ него влюбленъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Интересно бы узнать: вѣрно, такая, которая его не знаетъ.

КЛАВДІО. Напротивъ, знаетъ даже всѣ его дурныя замашки и, несмотря на то, влюблена на-смерть.

235

ДОНЪ-ПЕДРО. За то ее похоронять вверхъ лицомъ.

БЕНЕДИКТЪ. Все это прекрасно, только этимъ вамъ не заговорить боли. (Къ Леонато.) Дѣдушка-синьоръ, пойдете со мною: я имѣю сказать вамъ съ десятокъ умныхъ словъ, которыхъ эти куклы не должны слышать.

(Бенедиктъ и Леонато уходятъ.)

ДОНЪ-ПЕДРО. Клянусъ жизнью, это насчетъ Беатриче.

КЛАВДІО. Безъ сомнѣнья. А Геро и Маргарита разыграли, между тѣмъ, свои роли передъ Беатриче - и эти медвѣди не будутъ теперь грызться при каждой встрѣчѣ.

Входитъ Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Здравствуйте, братецъ!

ДОНЪ-ПЕДРО. Здравствуйте!

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами. Есть у васъ время?

ДОНЪ-ПЕДРО. Наединѣ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Если позволите. Впрочемъ, графъ Клавдіо можетъ слышать, потому что дѣло касается его.

ДОНЪ-ПЕДРО. Говорите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (Клавдіо). Вы располагаете вѣнчаться завтра?

ДОНЪ-ПЕДРО. Вы это знаете очень хорошо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Я еще не знаю этого, пока онъ не узнаетъ, что я знаю.

КЛАВДІО. Развѣ есть какое-нибудь препятствіе? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, скажите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Вы, можетъ быть, думаете, что я не люблю васъ? это покажетъ время; а между тѣмъ судите по тому, что я скажу. Братъ, кажется, очень васъ любить и изъ дружбы къ вамъ помочь устроить эту свадьбу. Плохая услуга! Напрасный трудъ!

ДОНЪ-ПЕДРО. Какъ? отчего?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Это-то я и пришелъ объяснить вамъ. Скажу безъ околичностей - предисловіе и безъ того было довольно длинно - она не вѣрна.

КЛАВДІО. Кто? Геро?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Да, ваша Геро, Леонатова Геро, чья угодно Геро.

КЛАВДІО. Не вѣрна?

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Это выраженіе еще слишкомъ мягко: она хуже, нежели не вѣрна. Сыщите выраженіе пожестче: я докажу вамъ, что она его достойна. Не удивляйтесь, обождите - я докажу: пойдемте сегодня ночью со мною - и вы увидите, какъ лазять къ ней въ окно даже наканунѣ свадьбы. Если любовь ваша при этомъ не остынетъ, женитесь на ней завтра; но для вашей же чести лучше оставить это намѣреніе.

КЛАВДІО. Неужели это правда?

ДОНЪ-ПЕДРО. Не вѣрю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Если вы не смѣете повѣрить своимъ глазамъ, такъ отрекитесь отъ всякаго знанія. Пойдемте со мною: я покажу вамъ довольно. Увидѣвши и услышавши, дѣйствуйте, какъ угодно.

КЛАВДІО. Если я увижу сегодня ночью что-нибудь, почему не захочу жениться на ней завтра, то осрамлю ее при всемъ собраніи.

ДОНЪ-ПЕДРО. А я? Я сваталь, такъ я помогу и осрамить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Больше говорить о ней не хочу: вы сами все увидите. Потерпите только до ночи: дѣло скажется само.

ДОНЪ-ПЕДРО. Какой неожиданный оборотъ!

КЛАВДІО. Какое несчастье!

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Какое счастье во-время избавиться отъ стыда - скажете вы послѣ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Улица.

Входятъ КЛЮКВА и КИСЕЛЬ со стражею.

КЛЮКВА. Что, вы - народъ честный, благонамѣренный?

КИСЕЛЬ. Разумѣется; иначе жаль было бы, а пострадали бы ихъ тѣла и души.

КЛЮКВА. Нѣтъ, это наказаніе было бы слишкомъ для нихъ легко, такъ какъ къ нимъ имѣли столько довѣренности, что выбрали для почетной стражи принца.

КИСЕЛЬ. Ну, отдай имъ приказъ, сосѣдушка.

КЛЮКВА. Во-первыхъ, кто по-вашему, больше всѣхъ годенъ въ полицейскіе стражи?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ. Петръ Книшъ или Иванъ Уголекъ: они грамотные.

КЛЮКВА. А! Подойди сюда, свать Уголекъ. Господь благословилъ тебя хорошимъ именемъ. Статный ты молодецъ - твое счастье; а что грамотный, такъ ужъ это какъ кому на роду написано.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. То и другое...

КЛЮКВА. Досталось на твою долю, хочешь ты сказать - знаю. Ну, что до статей - благодари Бога, а чваниться нечего; касательно же грамотности - суета суетъ! Ты, говорятъ, наиспособнѣйшій къ должности полицейскаго такъ возьми фонарь. Обязанность твоя - хватать всѣхъ праздношатающихся и всѣхъ останавливать во имя принца.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. А если кто не захочетъ остановиться?

КЛЮКВА. Такъ не обращай на него

236

вниманія – пусть проваливаетъ; ты же созови своихъ товарищей и вмѣстѣ поблагодарите Бога, что избавились отъ мошенника.

КИСЕЛЬ. Если кто не остановится по приказу, значить, онъ не принцевъ подданный.

КЛЮКВА. Правда; а съ чужими имъ связываться нечего. По улицамъ не шумѣть: часовой не долженъ болтать. Это субординація - вещь непозволительная.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Зачѣмъ болтать? лучше всхрапнемъ. Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ быть на часахъ.

КЛЮКВА. Э, иной подумаетъ, что ты, Богъ знаетъ, какой старый служивый: весь порядокъ знаешь - кто спитъ, тотъ не грѣшитъ. Только смотрите, чтобы аллебарды у васъ не украли. По кабакамъ приказывать, чтобы пьяные ложились спать.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. А если они не захотятъ?

КЛЮКВА. Оставить ихъ въ покоѣ, пока не протрезвятся; если они и тогда не отвѣтятъ умнѣе, такъ можете сказать имъ, что они совсѣмъ не тѣ люди, за кого ихъ приняли.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Слушаемъ.

КЛЮКВА. Въ случаѣ, если нападете на вора - можете, въ силу вашего званія, подозрѣвать его въ мошенничествѣ. Съ такого рода людьми чѣмъ меньше связываться, тѣмъ лучше для нравственности.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Такъ воровъ не хватать?

КЛЮКВА. Можете и хватать, въ силу вашего званія; только я вамъ скажу – тронешь грязь, самъ запачкаешься. А благоприличнѣе всего, если поймаете вора, пусть самъ докажетъ, что онъ за птица: дайте ему улизнуть.

КИСЕЛЬ. Не даромъ говорятъ, что ты милосердый человѣкъ.

КЛЮКВА. Я и собаку добровольно не повѣшу, а человѣка, въ которомъ есть еще хоть сколько-нибудь честности - и подавно.

КИСЕЛЬ. Если вы услышите, что дитя плачетъ, такъ кликнете мамку, чтобы накормила его.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. А если она спитъ и не слышитъ?

КЛЮКВА. Такъ идите себѣ съ миромъ: дитя ужъ разбудить ее. Овца, не внемлющая бляенію своего ягненка, не отвѣтитъ на мычаніе быка.

КИСЕЛЬ. Совершенно справедливо.

КЛЮКВА. Вотъ и всѣ ваши обязанности. Ты, полицейскій, представитель лица самого принца, если встрѣишь его ночью, можешь остановить и его.

КИСЕЛЬ. Ну, нѣтъ, этого-то онъ я думаю, не можетъ.

КЛЮКВА. Пять против одного! Сошлюсь на кого угодно, кто знаетъ уставъ; онъ можетъ остановить его, разумѣется, съ соизволенія его высочества, потому что дозоръ не долженъ обижать никого, а остановить человѣка насильно - обида и насиліе.

КИСЕЛЬ. Что правда, то правда. Ей-Богу такъ!

КЛЮКВА. Ха-ха-ха! то-то же! Ну, ребята, доброй ночи! Если случится что-нибудь важное, позовите меня. Смотрите жъ всѣ вы: держать ухо востро! Пойдемъ, сосѣдушка.

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Мы свое дѣло знаемъ. Присядемъ вотъ здѣсь у церкви часовъ до двухъ, а тамъ – и на боковую.

КЛЮКВА. Да слышите, вотъ еще что: пожалуйста, поприглядывайте около дома синьора Леонато: завтра тамъ свадьба, такъ ночью-то будетъ довольно возни. Не зѣвать!

(Клюква и Кисель уходятъ.)

Входятъ БОРАХІО и КОНРАДЪ.

БОРАХІО. Конрадъ!

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ (*тихо*). Тс! смирно!

БОРАХІО. Конрадъ!

КОНРАДЪ. Здѣсь, у твоего локтя.

БОРАХІО. Чувствую - онъ чешется: я думалъ, ужъ не чесотка ли?

КОНРАДЪ. Отвѣтъ за мною. Досказывай-ка свою исторію.

БОРАХІО. Станемъ-ка вотъ сюда подъ навѣсъ - видишь, дождь накрапываетъ - а я, какъ истый пьяница, расскажу тебѣ все.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ (*тихо*). Тутъ плутни. Стойте смирно!

БОРАХІО. Такъ знай же: я заработалъ у донъ-Жуана тысячу червонцевъ.

КОНРАДЪ. Статочное ли дѣло, чтобъ мошенникъ заработалъ такъ много?

БОРАХІО. Подивись лучше, что мошенникъ можетъ платить такъ много; а ужъ если богатому мошеннику нуженъ бѣдный, такъ бѣдный можетъ взять, сколько ему угодно.

КОНРАДЪ. Странное дѣло.

БОРАХІО. Эхъ, простота! Что тутъ страннаго? Вотъ, примѣрно, насчетъ фасона: вѣдь такого ли, другого фасона на человѣкѣ шляпа или платье, кажется, все равно?

КОНРАДЪ. Платье все равно.

БОРАХІО. Я говорю про фасонъ.

КОНРАДЪ. Ну, фасонъ - фасономъ.

БОРАХІО. Гм! а дуракъ - дуракомъ. Ну, а понимаешь ли ты, голова, что за тонкая штука фасонъ-то?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ (*тихо*). Я его знаю: Фасонъ - онъ уже лѣтъ семь занимается воровствомъ, а посмотрѣть на него, такъ что твой джентльмэнъ! Имя-то я хорошо помню.

237

БОРАХІО. Ты ничего не слышалъ?

КОНРАДЪ. Нѣтъ, это флюгеръ на крышѣ.

БОРАХІО. Да, такъ понимаешь ли, говорю я, что за хитрая бестія фасонъ? Какъ кружить онъ голову всѣмъ отъ четырнадцати до тридцати-пяти лѣтъ? То одѣнетъ ихъ фараоновыми солдатами, какъ на закопченныхъ картинахъ, то жрецами Бѣла, какъ на церковныхъ окнахъ, то обрѣтымъ Геркулесомъ прямо съ засаленныхъ, гнилыхъ обоевъ, гдѣ его мизинецъ представляется такимъ же массивнымъ, какъ его палица.

КОНРАДЪ. Все понимаю; понимаю, что фасонъ изнашиваетъ платья больше людей. Однако, не закружилась ли у тебя у самого голова, что своротилъ съ разсказа въ сторону?

БОРАХІО. Своротилъ, да не далеко. Вотъ видишь ли: сегодня ночью я любезничалъ съ Маргаритой, камеръ-юнгферой Геро, и называлъ ее именемъ Геро; а она, высматривая изъ окна своей госпожи, тысячу разъ желала мнѣ покойной ночи. Да что! Плохой я разсказчикъ. Надо прежде всего разсказать тебѣ, какъ донъ-Жуанъ привелъ и поставилъ въ саду принца и Клавдіо и какъ они подсматривали любовное свиданіе.

КОНРАДЪ. И приняли Маргариту за Геро?

БОРАХІО. Двое, конечно, принцъ, и Клавдіо; но дьяволъ донъ-Жуанъ зналъ, что это Маргарита, а клялся, что - Геро. Ночь была темна; разглядѣть хорошенъко было трудно и, главное, я сплутовалъ такъ ловко, что всѣ клеветы донъ-Жуана подтвердились, и Клавдіо убѣждалъ, какъ сумасшедшій. Онъ поклялся явиться завтра утромъ, какъ условились, въ церковь осрамить ее тамъ, въ полномъ собраніи, разсказавши, что видѣлъ ночью, и отпустить домой безъ мужа.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ. Именемъ принца - стой!

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Позовите настоящаго полицейскаго! Такого мошенничества еще и свѣтъ не видывалъ.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ. И Фасонъ съ ними заодно; я его знаю: онъ завивается.

КОНРАДЪ. Что вы это? что вы?

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Ужъ мы доберемся до этого Фасона - погоди!

КОНРАДЪ. Послушайте...

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ. Что тутъ слушать! Извольте-ка итти за нами.

БОРАХИО. Вотъ-те и потѣха! Зацѣпились за аллебарды!

КОНРАДЪ. Хороша потѣха, нечего сказать! Идите, мы за вами.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Леонато.

Входятъ ГЕРО, МАРГАРИТА и УРСУЛА.

ГЕРО. Милая Урсула, разбуди, пожалуйста, Беатриче.

УРСУЛА. Сейчасъ.

ГЕРО. Проси ее прійти сюда.

УРСУЛА. Хорошо. *(Уходитъ.)*

МАРГАРИТА. Знаете ли, мнѣ кажется, другой воротничекъ будетъ лучше.

ГЕРО. Нѣтъ, я ужъ этотъ надѣну.

МАРГАРИТА. Право, этотъ не такъ хорошъ; вотъ вы увидите и сестрица то же скажетъ.

ГЕРО. Сестрица - вертушка, а ты - другая. Я надѣну непременно этотъ.

МАРГАРИТА. Накладка эта чудо какъ хороша, если бы только волосы были хоть на одну мысль потемнѣе; и платье превосходнѣйшаго покроя - ужъ повѣрьте мнѣ. Я видѣла хваленое платье миланской герцогини.

ГЕРО. Говорятъ, оно, просто, прелесть!

МАРГАРИТА. Въ сравненіи съ вашимъ – просто, ночной капотъ. Золотая полосатая матерія обложена серебромъ и вышита жемчугомъ; рукава двойные; вокругъ оборки на голубой парчѣ; но что касается вкуса и красоты покроя, такъ ваше вдесятеро лучше.

ГЕРО. Дай-то Богъ, чтобъ весело въ немъ было! Мнѣ что-то ужасно тяжело на сердцѣ!

МАРГАРИТА. Скоро будетъ еще тяжелѣе: мужчина не перышко.

ГЕРО. Какъ тебѣ не стыдно!

МАРГАРИТА. Чего? Что я высказала честную мысль? Развѣ жениться не честное дѣло хоть бы и нищему? И развѣ будущій господинъ вашъ не честный человѣкъ, даже еще и не женившись? Вамъ кажется – извините - хотѣлось, чтобы я сказала: мужъ? Дурная мысль не извращаетъ правдиваго слова; я никого не хотѣла обидѣть. И что жъ въ этомъ худого: мужъ не перышко? Вѣдь, это сказано о законномъ мужѣ и законной женѣ; иначе онъ, конечно, легче пуху. Вотъ спросите хоть у Беатриче.

Входитъ БЕАТРИЧЕ.

ГЕРО. Здравствуй, сестрица.

БЕАТРИЧЕ. Здравствуй, милая Геро.

ГЕРО. Это что значить? что за болѣзненный тонъ?

БЕАТРИЧЕ. Такъ, ничего; кажется, я спала со всякаго другого тона.

МАРГАРИТА. Перейдете въ плясовую: спойте, напрымъръ: «Свѣтъ любви», а я протанцую.

238

БЕАТРИЧЕ. Да, «Свѣтъ любви» - для васъ. Будь только мужъ, а о потомствѣ ужъ вы позаботитесь.

МАРГАРИТА. Вы говорите непозволительныя вещи.

БЕАТРИЧЕ. Скоро пять часовъ, сестрица: тебѣ пора бы уже быть готовой. Право, мнѣ что-то нехорошо. Охъ!

МАРГАРИТА. О комъ это? о кречетѣ, о конѣ или о красавцѣ?

БЕАТРИЧЕ. О буквѣ «К», которою начинаются всѣ эти слова.

МАРГАРИТА. Если съ вами не совершилось чудеснаго превращенія, такъ нельзя держать пути и по звѣздамъ.

БЕАТРИЧЕ. Что ты хочешь этимъ сказать?

МАРГАРИТА. Ничего. Да исполнятся сердечныя желанія каждого!

ГЕРО. Вотъ эти перчатки прислалъ мнѣ графъ. Какъ прекрасно пахнутъ!

БЕАТРИЧЕ. У меня носъ залегъ, душа моя: ничего не слышу; такъ тяжело!

МАРГАРИТА. Дѣвушка - и тяжела. Сильно, должно быть, простудилась.

БЕАТРИЧЕ. Ахъ, Боже мой, давно ли ты пустилась въ такія тонкости?

МАРГАРИТА. Съ тѣхъ поръ, какъ вы ихъ оставили. А что, развѣ остроты мнѣ нейдутъ?

БЕАТРИЧЕ. Не знаю - что-то незамѣтны; ты бы приколола ихъ къ шляпѣ. Право, я нездорова.

МАРГАРИТА. Приложите къ сердцу припарку изъ *carduus benedictus*: превосходное средство отъ стѣсненія въ груди.

ГЕРО. Какъ шипомъ уколола!

БЕАТРИЧЕ. *Benedictus*! Почему же именно *benedictus*? Ты на что-то намекаешь этимъ *benedictus*?

МАРГАРИТА. Напекаю? - и не думала! Я просто говорю объ извѣстномъ растеніи. Вы думаете, можетъ-быть, что я считаю васъ влюбленною? Нѣтъ, увѣряю васъ, я не такъ глупа, чтобы думать, что вздумается; не хочу даже подуматъ, что можетъ вздуматься, и право, хоть думай и не думай, а никакъ нельзя подуматъ, что вы влюблены или можете влюбиться. Вотъ и Бенедиктъ: что онъ теперь? Клялся, что никогда не женится - и вдругъ, наперекоръ своему сердцу, растаялъ, какъ сахаръ. Исправитесь ли и вы - не знаю, только, кажется, вы смотрите такими же глазами, какъ и всѣ другія женщины.

БЕАТРИЧЕ.. Куда это ты мѣтишь?

МАРГАРИТА. Не мимо цѣли.

УРСУЛА возвращается.

УРСУЛА. Пожалуйте, сударыня. Принцъ, графъ, синьоръ Бенедиктъ, донъ-Жуанъ и всѣ почетные жители города собрались проводить васъ въ церковь.

ГЕРО. Помогите жъ мнѣ одѣться, милая сестрица, милая Маргарита, милая Урсула.

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Другая комната въ домѣ Леонато.

Входитъ ЛЕОНАТО, за нимъ КЛЮКВА и КИСЕЛЬ.

ЛЕОНАТО. Что тебѣ, братецъ, надо?

КЛЮКВА. Поговорить съ вами касательно близкаго вамъ дѣла.

ЛЕОНАТО. Говори; только, пожалуйста, короче; ты видишь, я очень занятъ: время такое хлопотливое.

КЛЮКВА. Да, ужъ такое время.

КИСЕЛЬ. Истинно - такое.

ЛЕОНАТО. Что же вамъ?

КЛЮКВА. Вотъ, свать Кисель кое-что вамъ поразскажетъ. Старый человекъ, сударь, впрочемъ, еще не выжилъ изъ ума. Дай Богъ ему дожить до всего! Честный старикашка.

КИСЕЛЬ. Да, благодаря Бога, насчетъ честности могу сказать: я не хуже кого другого, кто не честнѣе меня.

КЛЮКВА. Полно, сосѣдушка. Замололъ!

ЛЕОНАТО. Сосѣди, вы скучны.

КЛЮКВА. Какъ вашей милости угодно, а, впрочемъ, мы состоимъ на службѣ его высочества; но если бъ я былъ скученъ, какъ король, то право, съ моей стороны, отъ всего сердца пожаловалъ бы это вашей милости.

ЛЕОНАТО. Всю твою скуку мнѣ? А!

КЛЮКВА. Такъ точно, будь она даже въ тысячу разъ болѣе настоящей, потому что на васъ сыплется столько похвалъ, какъ ни на кого въ городѣ. Я маленькій человекъ, но радъ это слышать.

КИСЕЛЬ. И я также.

ЛЕОНАТО. Хотѣлось бы, наконецъ, услышать, что вы имѣете сказать мнѣ.

КИСЕЛЬ. А вотъ что. Наша команда арестовала сегодня ночью, съ позволенья вашей милости, такихъ двухъ мошенниковъ, что и свѣтъ не производилъ.

КЛЮКВА. Нельзя не сболтнуть, не терпится! Правду говорить, что сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. А добрый старикашка. Хорошо сказано, свать, хорошо, а все-таки, если двое ѣдутъ на одной лошади, такъ одному непременно надо сидѣть позади. Честная душа, сударь, честнѣйшая; но Богу

угодно смиреніе, сосѣдушка: не всѣ люди между собою равны. Что жъ дѣлать!

ЛЕОНАТО. Да, за тобою ему не поспѣть.

КЛЮКВА. На то милость Господня.

ЛЕОНАТО. Мнѣ некогда съ вами оставаться.

КЛЮКВА. Два слова, ваша милость. Наша стража дѣйствительно захватила двухъ подозрительныхъ людей. Вы допросили бы ихъ сегодня же утромъ.

ЛЕОНАТО. Допросите ихъ сами и донесите о послѣдствіяхъ; мнѣ же - право, недосугъ.

КЛЮКВА. Слушаемъ.

ЛЕОНАТО. Спросите себѣ вина. Прощайте!

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА. Васъ ждуть въ церкви – для передачи вашей дочери ея супругу.

ЛЕОНАТО. Сейчасъ. (*Леонато и Слуга уходятъ.*)

КЛЮКВА. Сходи-ка, свать, и прикажи Угольку, чтобы явился въ тюрьму съ перомъ и чернилами. Допросимъ нашихъ молодцовъ.

КИСЕЛЬ. Только надо вести допросъ поумнѣе.

КЛЮКВА. Это ужъ моя забота: не ударимъ лицомъ въ грязь. (*Указывая на свою голову.*) Тутъ найдется, чѣмъ ихъ сбить съ толку. Вели только писцу приготовить бумаги и приходи въ тюрьму. (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ церкви.

Входятъ ДОН-ПЕДРО, ДОН-ЖУАНЪ, ЛЕОНАТО, ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ, КЛАВДІО, БЕНЕДИКТЪ, ГЕРО, БЕАТРИЧЕ *и другіе.*

ЛЕОНАТО. Покороче, отецъ Францискъ: совершите только обрядъ, а обязанности ихъ объясните имъ послѣ.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ (*къ Клавдіо*). Вы пришли заключить брачный союзъ съ этой дѣвицей.

КЛАВДІО. Нѣтъ.

ЛЕОНАТО. Или вступить съ ней въ союзъ; союзъ же заключите вы, отецъ Францискъ.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ (*Геро*). А вы пришли вступить въ брачный союзъ съ графомъ?

ГЕРО. Да.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ. Если кому-либо изъ васъ извѣстно препятствіе, не позволяющее вамъ вступить въ этотъ союзъ, заклинаю васъ спасеніемъ души вашей объявить его.

КЛАВДІО. Извѣстно вамъ какое-нибудь, Геро?

ГЕРО. Нѣтъ.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ. А вамъ, графъ?

ЛЕОНАТО. Смѣю отвѣчать за него: нѣтъ.

КЛАВДІО. О, чего люди не могутъ, чего люди не дѣлаютъ и чего, притомъ, не дѣлаютъ они ежедневно, сами не зная, что дѣлаютъ!

БЕНЕДИКТЪ. Что это - междометія? Что жъ, есть и повеселѣе, напримѣръ: ха-ха-ха!

КЛАВДІО.

Постой, монахъ. (*Леонато.*) Отецъ, вы добровольно

Мнѣ вашу дочь въ супруги отдаете?

ЛЕОНАТО.

Какъ Богъ мнѣ далъ ее.

КЛАВДІО.

Такъ чѣмъ же я
Могу, какъ слѣдуетъ, вамъ отплатить
За вашу благой и драгоцѣнный даръ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Ничѣмъ, какъ лишь однимъ ея возвратомъ.

КЛАВДІО.

Вы мнѣ урокъ признательности дали!
Вотъ ваша дочь: назадъ ее возьмите!
Гнилымъ плодомъ не угощайте друга:
Она - не честь, подобіе ея.
Какъ дѣвственно краснѣетъ ликъ ея!
Съ какимъ достоинствомъ лукавый грѣхъ
Скрывать она умѣетъ подъ личиной!
Кто не подумаетъ, что эта кровь -
Свидѣтель скромной чистоты! Взгляните:
Вы всѣ готовы, глядя на нее,
Поклясться, что она еще дѣвица;
Но ей знакомъ ужъ ложа страстный жаръ,
И эта краска на ея лицѣ
Не стыдъ невинности, а стыдъ грѣха.

ЛЕОНАТО.

Графъ, что сказать хотите вы?

КЛАВДІО.

Что я
Моей души не оскверню союзомъ
Съ отъявленной...

ЛЕОНАТО.

Графъ! Если сами вы
Надъ юностью побѣду одержали...

КЛАВДІО.

Я знаю, что хотите вы сказать:
Что если тутъ и есть вина, то Геро
Мнѣ отдалась - какъ будущему мужу,
И грѣхъ не такъ еще великъ и страшень.
Нѣтъ, Леонато, нѣтъ! я никогда

Не искушалъ ее единымъ словомъ:
Какъ братъ сестрѣ оказывалъ ей ласки
Любви безгрѣшно.

ГЕРО.

Неужели я
Казалась вамъ любящею иначе?

240

КЛАВДІО.

Казалась? Прочь съ твоимъ гнилымъ *казаться!*
На видъ ты непорочнѣ Діаны,
На видъ ты чище нерасцвѣтшей почки,
Но жаръ въ крови твоей неугасимъ -
И ты, какъ звѣрь, неистово и дико
Бѣснуешься въ животномъ сладострастьи.

КЛАВДІО.

Здоровы ли вы, графъ? Вы говорите
Такъ страшно.

ЛЕОНАТО.

Принцъ, а вы чего молчите?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что мнѣ сказать? Я обезчещенъ тоже.
Дать другу въ жены падшую...

ЛЕОНАТО.

Что? что?
Во снѣ иль наяву я это слышу?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Нѣтъ, не во снѣ: вамъ высказали правду.

БЕНЕДИКТЪ.

Не свадьбой это смотреть.

ГЕРО.

Правду? Боже!

КЛАВДІО.

Скажите, Леонато, здѣсь ли я?
Донъ-Педро ль это? Это донъ-Жуанъ ли

И Геро ль здѣсь передо мной? Не лгутъ ли
Мои глаза?

ЛЕОНАТО.

Не лгутъ; но что же дальше?

КЛАВДІО.

Позвольте сдѣлать ей вопросъ; а вы
Отцовской властью прикажите ей
Сказать всю правду мнѣ.

ЛЕОНАТО.

Дитя мое,
Я требую, чтобъ ты сказала правду.

ГЕРО.

О, Боже, какъ они меня позорятъ!
И что же это за допросъ?

КЛАВДІО.

Признайтесь:
Вы кто такая? какъ васъ звать?

ГЕРО.

Какъ? Геро.
Кто это имя очернить упрекомъ?

КЛАВДІО.

Вы сами. Геро посрамила Геро.
Съ кѣмъ говорили вы вчера за полночь
Изъ вашихъ оконъ? Если вы невинны,
Скажите - съ кѣмъ?

ГЕРО.

Ни съ кѣмъ не говорила
Я въ этотъ часъ!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Такъ не виновны вы?
Мнѣ очень жаль, добрѣйшій Леонато,
Но увѣряю васъ моею честью -
Я самъ, мой братъ и оскорбленный графъ,
Мы трое слышали, какъ прошлой ночью
Изъ оконъ комнаты своей она
Бесѣдовала съ кѣмъ-то неизвѣстнымъ.
Съ безстыдствомъ истиннаго негодяя
Онъ говорилъ ей о преступной связи
И частыхъ встрѣчахъ ихъ наединѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такихъ, синьоръ, что и назвать зазорно:
Нѣтъ скромныхъ словъ для передачи ихъ.
Жалѣю отъ души.

КЛАВДІО.

О, Геро! Геро!
Какой бы чудной женщиной была ты,
Будь сердцемъ и душой хоть вполонину
Такъ хороша, какъ хороша лицомъ!
Прощай навѣкъ, гнилая красота,
Невинный грѣхъ, грѣховная невинность!
Я затворилъ врата любви, сомнѣнье
Поставилъ сторожемъ моихъ очей -
И красотой имъ впредь не увлекаться.

ЛЕОНАТО.

Ужели нѣтъ ни у кого ножа
Пронзить мнѣ грудь?

БЕАТРИЧЕ.

Сестрица! Что съ тобою?
Ты падаешь! (*Геро падаетъ въ обморокъ.*)

ДОНЪ-ПЕДРО.

Пойдемъ! Ее сразило
Разоблаченье грязнаго проступка!

(*Д.-Педро, Д.-Жуанъ и Клавдіо уходятъ.*)

БЕНЕДИКТЪ.

Скажите мнѣ, что съ нею, Беатриче?

БЕАТРИЧЕ.

Не умерла ли? Геро! Геро! Геро!
Спасите, дядюшка! спасите, Бенедиктъ!

ЛЕОНАТО.

Не отклоняй твоей руки, судьба!
Рази: могила скроетъ стыдъ! Рази -
Чего желать намъ лучшаго?

БЕАТРИЧЕ.

О, Геро!
Опомнись, что съ тобою?

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Успокойтесь.

ЛЕОНАТО.

Она очнулась?

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Почему бы нѣтъ?

ЛЕОНАТО.

Какъ почему? Не всѣ ль живое въ мірѣ
Кричитъ ей: «стыдъ»! Того ей не отвергнуть,
Румянецъ въ чемъ ее изобличилъ!
Умри жъ, закрой свои глаза! О, знай я,

241

Что ты не поспѣшишь проститься съ жизнью,
Что духъ твой вынесетъ утрату чести,
Я задушилъ бы самъ тебя немедля!
Ропталъ ли я на скупость силъ природы,
Не давшей мнѣ другихъ дѣтей? Довольно,
Довольно слишкомъ и одной тебя!
Въ моихъ глазахъ была ты такъ прекрасна!
Тебя любилъ я... О, зачѣмъ судьба
Мнѣ не подбросила младенца нищей?
Съ любовью я ее бы приютилъ,
Къ моимъ дверямъ подкинутую скрытно;
А запятнай она себя позоромъ,
Ея стыду, плоду безвѣстной крови,
Я былъ бы непричастень. Но тобой,
Тобой гордился я, въ тебѣ любилъ я
Мое дитя! И что жъ? Ты въ грязь упала -
И нѣтъ въ моряхъ бездонныхъ столько капель,
Чтобъ смыть пятно и нѣтъ довольно соли,
Чтобъ плоть твою отъ порчи сохранить.

БЕНЕДИКТЪ.

Довольно, Леонато: я сраженъ!
Не знаю, что подумать, что сказать!

БЕАТРИЧЕ.

Я всѣмъ клянусь - ее оклеветали!

БЕНЕДИКТЪ.

Вы спали съ ней прошедшей ночью?

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ,
Вчера – особо; но до этихъ поръ
Я цѣлый годъ не разлучалась съ нею.

ЛЕОНАТО.

О, истина стоитъ непоколебимо,
Скрѣпленная стальными обручами!
Ужель возможно, чтобъ солгали принцы
И графъ, ее любившій такъ безумно,
Что тяжкій срамъ ужаснаго паденья
Омылъ слезами? Прочь скорѣй отсюда, -
И пусть умретъ она!

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Позвольте мнѣ
Промолвить слово. Я молчалъ такъ долго,
Я далъ просторъ теченію событій,
Единственно, чтобъ наблюдать за ней.
Я видѣлъ вспышки алаго румянца
Въ ея лицѣ, смѣнившагося быстро
Печальною и снѣжной бѣлизной.
Въ ея глазахъ сверкалъ огонь, сжигавшій
Сомнѣніе въ дѣвичьей чистотѣ.
Вы можете считать меня глупцомъ,
Не вѣрять наблюденіямъ моимъ,
Ни опыту, сопутнику науки,
Ни старости, ни знанію монаха,
А все жъ скажу, что дѣвушка невинна
И что тутъ есть какая-то ошибка.

ЛЕОНАТО.

Не можетъ быть. Должно быть въ ней осталось
Еще немного совѣсти: она
Не хочетъ грѣхъ удвоить ложной клятвой.
Да и къ чему стараться скрыть вину,
Когда ясна проступка нагота?

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Съ кѣмъ васъ въ связи, скажите, обвиняютъ?

ГЕРО.

Спросите тѣхъ, кто обвиняетъ: я
Его не знаю. Если я была
Въ связи съ мужчиной, если измѣнила
Дѣвичьей скромности - да не отпустить
Господь грѣховъ моихъ! О, докажите,

Что съ кѣмъ-нибудь, въ часъ ночи неприличный,
Видалась я, иль что вчерашней ночью
Бесѣдовала съ существомъ живымъ,
Вы прокляните дочь свою тогда,
Втопчите въ грязь!

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Повидимому, принцы
Въ какомъ-то непонятномъ заблужденьи.

БЕНЕДИКТЪ.

Они не могутъ поступить безчестно;
Но если кто-нибудь ихъ обмануль,
Такъ это плутни принца донъ-Жуана,
Такъ какъ онъ жить безъ гадостей не можетъ.

ЛЕОНАТО.

Не знаю. Знаю только то, что если
Слова ихъ - правда, то вотъ эти руки
Ее задушатъ; но за клевету
Я всякому сумѣю отомстить.
Я изъ ума еще не выжилъ; кровь
Во мнѣ отъ лѣтъ еще не охладѣла;
Не нищій я и жизнiю лукавой
Не оттолкнулъ своихъ еще друзей.
Пусть оскорбятъ – во мнѣ на мѣсть найдутся
И жаръ въ душѣ, и крѣпость въ старомъ тѣлѣ,
И золото, и вѣрные друзья.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Позвольте мнѣ подать совѣтъ вамъ. Геро
Лежала замятво, когда они ушли.
Скажите, что она скончалась; спрячьте
Ее куда-нибудь, надѣньте трауръ
И, изукрасивъ надписями склепъ,
Исполните обряды погребенья.

ЛЕОНАТО.

Къ чему же это поведеть?

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Къ тому,
Что сплетни замѣнятся сожалѣньемъ.
И это что-нибудь да значить; но
Мой планъ ведетъ къ другой, важнѣйшей цѣли.
Услышавши, что Геро умерла
Въ минуту обвиненья - пожалѣютъ

И извинять ее. Такъ созданъ свѣтъ.
Мы не даемъ цѣны тому, что наше,

242

Но потерять лишь стоитъ – и мы въ немъ
Прекраснаго такъ много открываемъ,
Что и цѣны сложить ему не можемъ.
И съ Клавдіо случится точно то же:
Услышитъ онъ, что Геро пала жертвой
Суровыхъ словъ его - и незамѣтно
Въ рабочую его воображенья
Проникнетъ идеаль минувшей жизни:
Что было милаго въ живой, воскреснетъ
Въ глазахъ души его еще милѣй,
Одѣтое прекраснѣйшей одеждой,
Нѣжнѣй, изящнѣй и полнѣе жизнью,
Чѣмъ было въ истинно живой. И если
Ее любилъ онъ, онъ начнетъ грустить,
И какъ ни будетъ убѣжденъ въ винѣ,
А станетъ жаль ему, что такъ жестоко
Казнилъ онъ ту, которую любилъ.
Устройте жъ все, какъ я сказалъ – и вѣрьте,
Развязка оправдаетъ ожиданья!
И ежели расчетъ мой неудаченъ
Во всемъ другомъ, такъ несомнѣнно то,
Что мнимая кончина уничтожить
Всѣ злые толки, усыпить молву,
И вы укроете ее - вѣдь ей
Чего желать безъ доброй славы въ мірѣ -
Подальше гдѣ-нибудь въ монастырѣ.

БЕНЕДИКТЪ.

Послѣдуйте его совѣту. Я,
Вы знаете, душевно преданъ принцу
И Клавдіо, но обѣщаю вамъ
Хранить молчаніе.

ЛЕОНАТО.

Я обезсиленъ:
Вы можете вести меня теперь,
Куда угодно, на тончайшей ниткѣ.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Пойдемъ. Изъ смерти возникаетъ жизнь -

И ваша свадьба впереди. Утѣшьтеся.

(Отець Францискъ, Геро и Леонато уходятъ.)

БЕНЕДИКТЪ. Беатриче, вы все это время плакали?

БЕАТРИЧЕ. Да - и еще долго буду плакать.

БЕНЕДИКТЪ. Я не желалъ бы этого.

БЕАТРИЧЕ. И не къ чему: я плачу добровольно.

БЕНЕДИКТЪ. Я увѣренъ, что сестрицу вашу обвиняють несправедливо.

БЕАТРИЧЕ. Какъ обязалъ бы меня тотъ, кто оправдалъ бы ее!

БЕНЕДИКТЪ. А есть средство оказать вамъ такую дружбу?

БЕАТРИЧЕ. Средствъ много, да друга нѣтъ.

БЕНЕДИКТЪ. Можетъ ли взяться за это мужчина?

БЕАТРИЧЕ. Да, только не вы.

БЕНЕДИКТЪ. Я люблю васъ больше всего на свѣтѣ. Не странно ли это?

БЕАТРИЧЕ. Такъ странно, какъ та вещь, о которой я ничего не знаю. Я тоже могла бы сказать, что люблю васъ больше всего на свѣтѣ; но не вѣрьте мнѣ, хотя я и не лгу. Я не сознаюсь ни въ чемъ и ничего не отрицаю. Мнѣ жаль сестры.

БЕНЕДИКТЪ. Клянусь мечомъ моимъ, Беатриче, ты любишь меня!

БЕАТРИЧЕ. Не клянитесь вашимъ мечомъ: скушайте его лучше.

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ, клянусь, вы меня любите - и я заставляю отвѣдать его того, кто вздумаетъ утверждать противное.

БЕАТРИЧЕ. Смотрите, не взять бы вамъ клятвы назадъ.

БЕНЕДИКТЪ. Ни за что въ мірѣ. Клянусь, я люблю тебя!

БЕАТРИЧЕ. Такъ прости мнѣ, Господи...

БЕНЕДИКТЪ. Какое прегрѣшеніе, милая Беатриче?

БЕАТРИЧЕ. Вы прервали меня кстати: я тоже хотѣла поклясться, что люблю васъ.

БЕНЕДИКТЪ. Побожись же!

БЕАТРИЧЕ. Я люблю васъ такъ сильно, что нѣтъ силъ и побожиться.

БЕНЕДИКТЪ. Прикажи мнѣ сдѣлать для тебя что-нибудь.

БЕАТРИЧЕ. Убейте Клавдіо.

БЕНЕДИКТЪ. Ни за весь міръ!

БЕАТРИЧЕ. Вы убиваете меня отказомъ. Прощайте!

БЕНЕДИКТЪ. Постой, Беатриче!

БЕАТРИЧЕ. Меня ужъ нѣтъ, хоть я и здѣсь еще - вы не любите. Нѣтъ, пожалуйста, пустите.

БЕНЕДИКТЪ. Беатриче!

БЕАТРИЧЕ. Серьезно, я иду.

БЕНЕДИКТЪ. Будемъ друзьями.

БЕАТРИЧЕ. Конечно, быть моимъ другомъ не такъ страшно, какъ сразиться съ моимъ врагомъ.

БЕНЕДИКТЪ. А Клавдіо врагъ твой?

БЕАТРИЧЕ. Не доказалъ ли онъ, что онъ величайшій негодяй, оклеветавши и осрамивши мою родственницу? О, если бы я была мужчиной! Какъ! носить ее на рукахъ, пока не пришло время соединить руки - и вдругъ публично оклеветать съ

такую явною злобой! О, Боже, будь я мужчина, я вырвала бы у него сердце и съѣла его на площади, всенародно.

БЕНЕДИКТЪ. Послушайте, Беатриче...

БЕАТРИЧЕ. Разговаривать изъ окна съ мужчиной! Прекрасная выдумка!

БЕНЕДИКТЪ. Однако, Беатриче...

243

БЕАТРИЧЕ. Бѣдная Геро! Ее оскорбили, оклеветали, погубили!

БЕНЕДИКТЪ. Беат...

БЕАТРИЧЕ. Принцы и графы, что за рыцарскій поступокъ! Кровный графъ! сахарный графъ! дивный любовникъ! О, будь я женщиной, или найди я друга, который бы захотѣлъ быть мужчиной ради меня! Нѣтъ, мужество растаяло въ учтивость, храбрость въ комплименты, а лучшее сердце перелилось въ языкъ. Нынче тотъ геркулесь, кто лжетъ и клянется. Но что напрасно желать быть женщиной! Лучше умереть, какъ женщина.

БЕНЕДИКТЪ. Пстой, милая Беатриче! Клянусь моею душой, я люблю тебя!

БЕАТРИЧЕ. Употребите ее, изъ любви ко мнѣ, на что-нибудь другое, кромѣ клятвъ.

БЕНЕДИКТЪ. Скажите, положи руку на сердце, думаете вы, что Клавдіо виноватъ передъ Геро?

БЕАТРИЧЕ. Такъ же вѣрно, какъ то, что во мнѣ есть душа.

БЕНЕДИКТЪ. Довольно! Я вызову его - даю вамъ слово. Позвольте поцѣловать на прощанье вашу руку. Клянусь этою рукою, Клавдіо дорого мнѣ поплатится. Идите, утѣшите сестру. Я долженъ говорить, что она умерла. Прощайте. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Тюрьма.

Входятъ КЛЮКВА, КИСЕЛЬ, ПРОТОКОЛИСТЪ *и стража съ* КОНРАДОМЪ *и* БОРАХІО.

КЛЮКВА. Всѣ ли на лицо?

КИСЕЛЬ. Эй! подать протоколисту стулъ и подушку!

ПРОТОКОЛИСТЪ. Гдѣ же подсудимые?

КЛЮКВА. А вотъ, мы съ товарищемъ.

КИСЕЛЬ. Мы имѣемъ предписаніе сдѣлать допросъ.

ПРОТОКОЛИСТЪ. Но гдѣ же допрашиваемые преступники? Пусть подойдутъ къ полицейскому.

КЛЮКВА. Да, да, пусть подойдутъ ко мнѣ. Какъ тебя, пріятель, зовутъ?

БОРАХІО. Борахіо.

КЛЮКВА. Запишите: Борахіо. А тебя?

КОНРАДЪ. Я дворянинъ; меня зовутъ Конрадъ.

КЛЮКВА. Запишите: дворянинъ Конрадъ. Вѣруете ли въ Бога?

КОНРАДЪ *и* БОРАХІО. Да, сударь, надѣмся.

КЛЮКВА. Запишите: они надѣются, что вѣрують въ Бога. Дѣло ясное, что вы архиплуты. Вотъ мы васъ выведемъ на свѣжую воду! Что вы на это скажете?

КОНРАДЪ. Что мы люди честные.

КЛЮКВА. Экая тонкая бестія! Да не на того напаль. (*Борахіо.*) А подойди-ка ты сюда, пріятель: я тебѣ шепну что-то на ушко. Вы, говорятъ, мошенники.

БОРАХІО. А я говорю вамъ, что нѣтъ.

КЛЮКВА. Хорошо. Отойти же въ сторону. Ей-богу, они стакнулись! Записали вы, что они не мошенники?

ПРОТОКОЛИСТЬ. Вы, господинъ полицейскій, не такъ ведете допросъ: вы должны призвать стражей, ихъ обвинителей.

КЛЮКВА. Да, да, это будетъ короче всего. Пусть сторожа подойдутъ. Именемъ принца приказываю вамъ обвинить этихъ людей.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ. Вотъ этотъ человекъ, ваша милость, сказалъ, что братъ принца донъ-Жуанъ - мошенникъ.

КЛЮКВА. Запишите: принцъ Жуанъ мошенникъ. Да вѣдь это клятвопреступленіе – назвать брата принца мошенникомъ.

БОРАХІО. Господинъ полицейскій...

КЛЮКВА. Пожалуйста, братецъ, молчи. Объявляю тебѣ, что мнѣ не нравится твоя фізіономія.

ПРОТОКОЛИСТЬ. Что онъ еще говорилъ?

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Что получилъ отъ донъ-Жуана тысячу червонцевъ за ложное обвиненіе синьоры Геро.

КЛЮКВА. Чистое душегубство!

КИСЕЛЬ. Да, чистое.

ПРОТОКОЛИСТЬ. Что дальше?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖЪ. И что графъ Клавдіо рѣшился, основываясь на его словахъ, осрамить Геро въ полномъ собраніи и не жениться на ней.

КЛЮКВА. Мерзавецъ! За это ты будешь осужденъ на вѣчное искушеніе.

ПРОТОКОЛИСТЬ. Что еще?

ВТОРОЙ СТОРОЖЪ. Больше ничего.

ПРОТОКОЛИСТЬ. И отъ этого вы не можете отпереться. Принцъ Жуанъ бѣжалъ тайно сегодня утромъ. Геро, дѣйствительно, была обвинена, осрамлена и съ горя внезапно умерла. Господинъ полицейскій, прикажите-ка ихъ связать да отвести къ Леонато; я же сейчасъ пойду показать ему допросъ. (*Уходитъ.*)

КЛЮКВА. Такъ связать ихъ?

КИСЕЛЬ. Въ кандалы!

КОНРАДЪ. Прочь, болванъ!

КЛЮКВА. Святой владыко, гдѣ же протоколистъ? Пусть запишетъ: состоящій на службѣ принца - болванъ. Эй! связать ихъ! Ничтожная тварь!

КОНРАДЪ. Осель! осель вислоухій!

КЛЮКВА. Какъ, и къ чину никакого уваженія? никакого почтенія къ моимъ лѣтамъ? Ну, счастье твое, что некому записать, что я осель. Впрочемъ, прошу прислушаться, господа: я осель; ничего, что не записано, не забудьте только, я - осель! Погоди, мошенникъ! Этакая нравственная каналья! Свидѣтели есть. Не

дуракъ я, да еще - подымай выше - чиновный, да еще - подымай выше - отецъ семейства; и собой не хуже кого другого въ Мессинѣ; и законы знаю, и не нищій какой-нибудь; тертый калачъ: не даромъ ношу мундиръ - да! Ведите его! Экая досада, что нельзя записать: «осель!» Я осель! (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Леонато.

Входятъ ЛЕОНАТО и АНТОНИО.

АНТОНИО.

Послушай, ты себя убьешь. Умно ли
Поддерживать печаль себѣ на гибель?

ЛЕОНАТО.

Пожалуйста, оставь твои совѣты:
Они безъ пользы проникають въ слухъ,
Какъ жидкость въ рѣшето. Побереги ихъ.
Пусть тотъ попробуетъ меня утѣшить,
Кто самъ узналъ подобное несчастье,
Кто дочь любилъ такъ горячо, какъ я,
И у кого, какъ у меня, внезапно
Изъ сердца вырвано все счастье отца -
Пусть онъ заговоритъ мнѣ о терпѣнни.
Да, если тотъ, чье горе глубоко
И полно, какъ мое, въ комъ скорбь жива
Съ такой же силой и въ такомъ же видѣ -
О! если онъ со смѣхомъ вмѣсто слезъ
Промолвить: «горе, прочь!», въ ночной пирушкѣ
Пропьетъ свое несчастье, остротами
Заштопаетъ больныя раны сердца -
Ко мнѣ его! веди его ко мнѣ:
Я у него терпѣнью научусь.
Не сыщешь ты такого человѣка!
Совѣтовать и утѣшать легко
Тому, кто скорби не причастенъ самъ;
А испытай ее, мудрецъ-совѣтникъ,
Такъ всѣ твои совѣты запылають
Мгновенной страстью. Ты мечтаешь въ нихъ
Подать лекарство отъ горячки мозга,
Связать безумство тонкой шелковинкой,
Смирить словами агонію сердца...
Нѣтъ, нѣтъ! Кто гнется подъ тяжелой скорбью,
Тому всегда совѣтуютъ смириться:

А между тѣмъ ни въ комъ нѣтъ столько силы,
Чтобъ самому въ подобную невзгону
Послѣдовать премудрымъ поученьямъ.
Такъ не совѣтуй мнѣ. Всѣ разсужденья
Затушены сильнѣйшимъ воплемъ скорби.

АНТОНИО.

Такъ чѣмъ же разнится дитя отъ мужа?

ЛЕОНАТО.

Молчи, пожалуйста! Я кровь и плоть -
И ими быть хочу. Какой философъ
Зубную боль переносилъ спокойно?
А вѣдь они съ безсмертнымъ краснорѣчьемъ
Писали противъ рока и страданій.

АНТОНИО.

По крайней мѣрѣ не страдай одинъ:
Обидчики пусть тоже пострададутъ.

ЛЕОНАТО.

Да, въ этомъ случаѣ ты правъ, согласенъ!
Мнѣ сердце говорить, что дочь невинна:
Такъ пусть же знаютъ это принцъ и графъ -
Всѣ, очернившіе ее.

Входятъ Донъ-Педро и Клавдіо.

АНТОНИО.

Вотъ принцъ
И Клавдіо; они спѣшатъ куда-то.

ДОНЪ-ПЕДРО.

А, здравствуйте!

КЛАВДІО.

Здорово, господа!

ЛЕОНАТО.

Послушайте...

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не время, Леонато.

ЛЕОНАТО.

Не время вамъ? Ну, такъ прощайте, принцъ!
Спѣшите вы? Ну, что жъ, мнѣ все равно!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не ссорься съ нами, добрый Леонато.

АНТОНИО.

О, если бъ къ ссорѣ онъ прибѣгнуть могъ,
Давно бы кто-нибудь изъ насъ былъ мертвымъ!

КЛАВДІО.

Кто жъ оскорбилъ его?

ЛЕОНАТО.

Ты оскорбилъ,
Ты, лицемѣръ. Къ чему за мечъ хвататься!
Я не боюсь тебя.

КЛАВДІО.

Пусть онѣмѣетъ
Моя рука, когда она хотѣла
Подать къ такому опасенью поводъ.
Она безъ умысла за мечъ схватилась.

ЛЕОНАТО.

Не смѣйся надо мной. Мои слова
Не бредъ глупца иль старика-дитяти,

245

И я не пользуюсь правами лѣтъ,
Не хвастаю, не говорю: «давно,
Когда я молодъ былъ, я дѣлалъ то-то,
И сдѣлалъ бы теперь, не будь я старъ».
Я прямо говорю: ты такъ глубоко
Мое дитя невинное обидѣлъ,
Что я обязанъ позабыть мой санъ,
Сѣдые волосы и бремя лѣтъ
И звать тебя на смертный поединокъ.
Ты оболгалъ ее: она невинна!
Твоя безсовѣстная клевета
Пронзила сердце ей. Она въ гробницѣ
Среди отцовъ своихъ, гдѣ никогда
Безчестные доселѣ не почили.
Ты, лжець презрѣнный, очернилъ ее!

КЛАВДІО.

Я лжець?

ЛЕОНАТО.

Ну, да - ты лжець, я повторяю!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Старикъ, неправда!

ЛЕОНАТО.

Пусть со мною бьется:
На зло его проворству и искусству,
И цвѣту юности, и силѣ мышць,
Я докажу, что онъ солгалъ.

КЛАВДІО.

Поди!

Я не хочу, старикъ, съ тобою драться.

ЛЕОНАТО.

Не увильнешь! Дитя мое убилъ ты:
Убей меня – и ты убьешь мужчину.

АНТОНИО.

Пусть онъ узнаетъ, что не дѣти мы;
Пусть онъ убьетъ обоихъ насъ; но первый
Я съ нимъ дерусь. Ступай за мной, мальчишка!
Пойдемъ, я проучу тебя, негодный!
Честное слово, проучу!

ЛЕОНАТО.

Послушай...

АНТОНИО.

Молчи и не мѣшай мнѣ. Богъ свидѣтель,
Что я племянницу мою любилъ.
Ее сразила клевета; убійца
Не смѣетъ встрѣтиться со мной въ бою,
Какъ я змѣю не смѣю взять за жало.
О, хвастуны, мальчишки, паяцы!

ЛЕОНАТО.

Но, братъ...

АНТОНИО.

Молчи. Я знаю ихъ насквозь -
Пустые франты и луны! мальчишки!
Солгать, польстить, оклеветать - ихъ дѣло,
Посмотришь - страшно подойти; какъ песъ,
Рычить угрозами: «осмѣлься только,
Такъ я съ тобой и то и то!» И что же?

А ничего: слова - и только.

ЛЕОНАТО.

Братъ!

АНТОНИО.

Довольно. Не мѣшайся въ это дѣло:

Я самъ его покончу.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Господа,
Мы не хотимъ васъ раздражать. Жалѣю
О смерти Геро, но ручаюсь честью -
Она не жертва клеветы: мы ясно
Убѣждены въ ея проступкѣ.

ЛЕОНАТО.

Принцъ!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я слушать не хочу.

ЛЕОНАТО.

Вы не хотите?

Пойдемъ же, братъ: я слушать ихъ заставлю.

АНТОНИО.

Или кому-нибудь несдобровать.

(Леонато и Антонио уходятъ.)

Входитъ БЕНЕДИКТЪ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Вотъ и онъ! а мы васъ ищемъ.

КЛАВДІО. Что новаго?

БЕНЕДИКТЪ. Здравствуйте, принцъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Здравствуйте, синьоръ. Вы чуть-чуть не поспѣли рознять драку.

КЛАВДІО. Еще немного - и два беззубые старика откусили бы намъ носы.

ДОНЪ-ПЕДРО. Леонато съ братомъ. Какъ ты думаешь, если бы дошло до дѣла, врядъ ли мы оказались бы для нихъ слишкомъ молоды?

БЕНЕДИКТЪ. Виноватый не можетъ быть храбръ. Я пришелъ собственно къ вамъ.

КЛАВДІО. А мы искали тебя. Намъ что-то ужасно скучно; хотѣлось бы разогнать тоску. Состри, пожалуйста, что-нибудь.

БЕНЕДИКТЪ. Острота моя въ ножнахъ; прикажете обнажить?

ДОНЪ-ПЕДРО. Она и то голь голью.

КЛАВДІО. А голь на выдумки хитра: состри что-нибудь.

ДОНЪ-ПЕДРО. Честное слово, онъ недаромъ блѣдень. Что ты, боленъ или сердить?

КЛАВДІО. Полно, мужайся! Съ тоски, говорятъ, и кошка худѣтъ; а тебѣ – нипочемъ: скорѣе, я думаю, тоска отъ тебя похудѣтъ.

БЕНЕДИКТЪ. Если вы цѣлите вашими остротами въ меня, такъ я готовъ встрѣтить ихъ когда и гдѣ угодно.

КЛАВДІО. Ну, такъ дайте ему новое копье: прежнее изломалось въ куски.

ДОНЪ-ПЕДРО. Право, онъ измѣняется въ

лицѣ все больше и больше. Я думаю, онъ не шутя сердить.

КЛАВДІО. Въ такомъ случаѣ онъ знаетъ, какъ поступаютъ порядочные люди.

БЕНЕДИКТЪ. Позвольте сказать вамъ словечко на ухо.

КЛАВДІО. Господи, спаси меня отъ вызова!

БЕНЕДИКТЪ (*тихо Клавдіо*). Вы негодай. Я не шучу и повторю это, когда и гдѣ вамъ будетъ угодно. Я требую отъ васъ удовлетворенія, иначе при всѣхъ назову васъ трусомъ. Вы убили невинную дѣвушку и дорого заплатите за ея смерть. Жду отвѣта.

КЛАВДІО. Хорошо, я приду угостить васъ на славу.

ДОНЪ-ПЕДРО. Что такое? пирушка?

КЛАВДІО. Да, вотъ, спасибо, зоветь на телячью голову и каплуна. Даю вамъ слово разрѣзать ихъ мастерски, въ противномъ случаѣ можете сказать, что ножъ мой никуда негоденъ. Не найду ли я и гуся?

БЕНЕДИКТЪ. Ваше остроуміе бѣжитъ иноходью: оно легко на ногу.

ДОНЪ-ПЕДРО. Рассказать тебѣ, какъ расхваливала тебя наемни Беатриче? Я сказала, что у тебя тонкій умъ. «Да», говоритъ она, «такъ тонокъ, что его вовсе незамѣтно». - «Виновать», говорю, «я хотѣлъ сказать обширный.» - «Плоскость необозримая», прибавила она. - «Сыплеть остротами очень ловко.» - «Да», говоритъ, «никого никогда не задѣнетъ.» - «Знаетъ», говорю, «нѣсколько языковъ.» - «Вѣрю», говоритъ: «онъ клялся мнѣ кое въ чемъ въ понедѣльникъ ввечеру и отрекся во вторникъ поутру; это два различные языка.» И такъ она цѣлый часъ выворачивала наизнанку твои достоинства а кончила все-таки, вздохомъ, говоря, что лучше тебя никого нѣтъ въ Италіи.

КЛАВДІО. Горько заплакала, а говоритъ: мнѣ все равно.

ДОНЪ-ПЕДРО. Да, это правда; и при всемъ томъ, не питай она къ нему смертельной ненависти, она горячо бы его полюбила. Дочь нашего старика-то все намъ рассказала.

КЛАВДІО. Все, все и, кромѣ того, какъ онъ прятался въ саду.

ДОНЪ-ПЕДРО. Когда же водрузимъ мы рога дикаго быка на челѣ чувствительнаго Бенедикта?

КЛАВДІО. Съ подписью: «законный супругъ Бенедиктъ!»

БЕНЕДИКТЪ. Прощай, мальчишка - ты меня понимаешь. Можете безъ меня болтать, сколько вамъ угодно: ваши остроты, какъ шпага хвостуна, слава Богу, никого не ранять. Позвольте поблагодарить васъ, принцъ, за ваши ласки: я долженъ васъ оставить. Братъ вашъ, донъ-Жуанъ, бѣжалъ изъ Мессины. Вы вмѣстѣ убили невинную, прекрасную дѣвушку. Что до этого господина-молокососа, такъ

мы съ нимъ еще встрѣтимся, а до тѣхъ поръ счастливо оставаться. (*Бенедиктъ уходитъ.*)

ДОНЪ-ПЕДРО. Онъ говоритъ серьезно.

КЛАВДІО. Какъ нельзя серьезнѣе и, ручаюсь вамъ, изъ любви къ Беатриче.

ДОНЪ-ПЕДРО. Онъ вызвалъ тебя?

КЛАВДІО. Начисто.

ДОНЪ-ПЕДРО. Что за забавная штука человѣкъ, когда надѣваетъ штаны и камзолъ, а умъ оставляетъ дома!

КЛАВДІО. Тогда онъ, конечно, великанъ въ сравненіи съ обезьяною; но за то и обезьяна въ сравненіи съ нимъ – докторъ по учености.

ДОНЪ-ПЕДРО. Однако, это меня тревожитъ: не сказалъ ли онъ, что братъ мой бѣжалъ?

Входятъ КЛЮКВА, КИСЕЛЬ и стража съ КОНРАДОМЪ и БОРАХІО.

КЛЮКВА. Пойдемъ, пойдемъ - если правосудіе съ тобою не справится, такъ чтобъ ему никогда не развѣшивать на вѣсахъ своихъ ничего умнаго. Плутовать ты, да мы тебя поразглядимъ.

ДОНЪ-ПЕДРО. Это что? Двое изъ свиты моего брата - и связаны? Борахіо?

КЛАВДІО. Спросите за что.

ДОНЪ-ПЕДРО. Въ чемъ они провинились?

КЛЮКВА. Они сдѣлали ложный доносъ; кромѣ того, произнесли ложь; во-вторыхъ, они клеветники; въ-шестыхъ и въ-последнихъ - обоглали дѣвицу; въ-третьихъ - подтвердили несправедливыя вещи и, въ заключеніе, они лжецы и мошенники.

ДОНЪ-ПЕДРО. Во-первыхъ, я спрашиваю тебя, что они сдѣлали? въ-третьихъ, въ чемъ они провинились? въ-шестыхъ и въ-последнихъ - за что арестованы? и въ заключеніе, въ чемъ вы ихъ обвиняете?

КЛАВДІО. Вотъ что называется допросить по всѣмъ пунктамъ!

ДОНЪ-ПЕДРО (*арестантамъ*). Кого вы обидѣли? За что васъ связали и ведутъ къ допросу? Ученый полицейскій такъ премудръ, что его не поймешь. Въ чемъ состоитъ вашъ проступокъ?

БОРАХІО. Ваше высочество, не для чего вести меня къ допросу. Выслушайте - и пусть графъ убьетъ меня. Я обманулъ даже ваши глаза. Чего не могла открыть ваша пронцательность, то открыли эти дураки: ночью они подслушали, какъ я рассказывалъ вотъ ему, что братъ вашъ, донъ-Жуанъ, научилъ

меня оклеветать Геро; что васъ проводили въ садъ, гдѣ вы были свидѣтелемъ свиданія моего съ Маргаритой, одѣтой въ платье Геро; что вы хотѣли опозорить ее въ минуту вѣнчанія. Они записали мое преступленіе, и я охотнѣе запечатлѣю его моею смертию, нежели снова повторю всѣ подробности. Геро умерла вслѣдствіе моего ложнаго обвиненія. Словомъ, я желаю только возмездія за мое преступленіе.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Мнѣ входятъ въ грудь желѣзомъ раскаленнымъ
Его слова.

КЛАВДІО.

Онъ далъ мнѣ выпить яду!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Такъ это братъ мой научилъ тебя?

БОРАХІО.

И щедро наградилъ за трудъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Онъ только и живетъ, что преступленьемъ,
Вотъ почему онъ и бѣжалъ сегодня.

КЛАВДІО.

Съ какой невинной красотой, о, Геро,
Въ моей душѣ теперь ты воскресаешь!

КЛЮКВА. Ведите прочь истцовъ. Протоколистъ, должно быть, уже отрапортовалъ обо всемъ Леонато. А вы не забудьте въ надлежащее время, что я - осель.

КИСЕЛЬ. Вотъ и синьоръ Леонато съ протоколистомъ.

Входятъ ЛЕОНАТО, АНТОНИО и ПРОТОКОЛИСТЪ.

ЛЕОНАТО.

Гдѣ, гдѣ злодѣй? Взгляну ему въ глаза,
Чтобъ, встрѣтившись съ подобнымъ человѣкомъ,
Я могъ поостеречься. Кто изъ нихъ?

БОРАХІО.

Преступникъ я.

ЛЕОНАТО.

Такъ ты своимъ дыханьемъ,
Презрѣнный рабъ, убилъ мое дитя?

БОРАХІО.

Да, я одинъ, и болѣе никто.

ЛЕОНАТО.

Нѣтъ, нѣтъ; ты лжешь на самого себя.
Вотъ двое знатныхъ - третій убѣжалъ -
Они съ тобой замѣшаны въ убійствѣ.
Спасибо, принцы, за убійство Геро!
Воистину вамъ есть чѣмъ похвалиться!

Великій подвигъ - и ничѣмъ не хуже
Всѣхъ остальныхъ блестящихъ вашихъ дѣлъ!

КЛАВДІО.

Не знаю, какъ просить васъ о терпѣннѣ,
Но говорить я долженъ. Леонато,
Назначьте мнѣ за грѣхъ мой искупленье.
Вы властны мстить - я покоряюсь казни:
Я согрѣшилъ, но только по ошибкѣ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Свидѣтель Богъ, я тоже ошибался;
Но я готовъ загладить мой проступокъ:
Скажите - чѣмъ? я все готовъ исполнить.

ЛЕОНАТО.

Я не могу сказать вамъ: прикажите
Воскреснуть ей. Надъ смертью вы не властны.
Но пусть всѣ обитатели Мессины
Узнаютъ, что она была чиста.
Гдѣ есть любовь, тамъ есть и вдохновенье:
Почтите гробъ ея печальнымъ гимномъ
И скромной надписью. А завтра утромъ
Прошу ко мнѣ. Судьба вамъ не судила
Быть мужемъ дочери моей, такъ будьте
Моимъ племянникомъ. У брата есть
Для васъ невѣста: дочь его похожа
На Геро, какъ на самое себя.
Она наслѣдница отца и дяди:
Женитесь - и обида позабыта.

КЛАВДІО.

Вы – добрый, благородный человѣкъ!
Такой избытокъ доброты нельзя
Признательной слезою не почтить.
Я принимаю ваше предложенье -
Располагайте мной.

ЛЕОНАТО.

Итакъ - до завтра.

(Указывая на Борахио.)

А этого мы на очную ставку
Сведемъ съ помощницей: она,
Безъ всякаго сомнѣнія, была
Подкуплена и знала обо всемъ.

БОРАХІО.

Нѣтъ, нѣтъ, она не знала ничего:
Ни цѣли, ни значенья разговора,
И, сколько мнѣ извѣстно, завсегда
Была честна. Она не виновата.

КЛЮКВА. Сверхъ того, ваша милость - оно хоть и не записано - этотъ истецъ и обидчикъ назвалъ меня осломъ. Прошу покорно, не забудьте этого при наказаніи. Кромѣ того, еще сторожа слышали, что они говорили о какомъ-то Фасонѣ: онъ, говорятъ, ходитъ съ сережкой въ ухѣ, занимаетъ у всѣхъ деньги за порукой Господа Бога и никогда не отдаетъ, чѣмъ только кредитъ подрываетъ. Объ этомъ, совѣтую, ваша милость, хорошенько его допросить.

ЛЕОНАТО. Благодарю за трудъ.

КЛЮКВА. Ваша милость говорить, какъ достойный, признательный молодой человѣкъ.

ЛЕОНАТО. Вотъ тебѣ за труды.

КЛЮКВА. Господи благо...

248

ЛЕОНАТО. Ступай, а арестанты останутся здѣсь. Благодарю.

КЛЮКВА. Я оставляю васъ съ отъявленными мошенниками. Надѣюсь, вы не забудете задать себѣ порядочную экзекуцію для примѣра другимъ. Счастливо оставаться, ваша милость. Наше почтеніе! Будьте здоровы! Имѣемъ честь уволить насъ отъ присутствія вашей особы. Пойдемъ, сосѣдушка. *(Клюква и Кисель уходятъ.)*

ЛЕОНАТО.

И такъ - до завтра, господа, прощайте!

АНТОНІО.

Прощайте! Ждемъ васъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Будемъ непремѣнно.

КЛАВДІО.

А ночь я проведу у гроба Геро.

ЛЕОНАТО.

Ведите ихъ за мной: мы разузнаемъ,
Какъ познакомился онъ съ Маргаритой.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Садъ Леонато.

БЕНЕДИКТЪ и МАРГАРИТА *встрѣчаются.*

БЕНЕДИКТЪ. Милая Маргарита, сослужи мнѣ службу: устрой мнѣ свиданіе съ Беатриче.

МАРГАРИТА. А напишете вы мнѣ сонетъ въ честь моей красоты?

БЕНЕДИКТЪ. Такимъ высокимъ слогомъ, что никому изъ смертныхъ не добратъся...

МАРГАРИТА. До моей красоты?

БЕНЕДИКТЪ. Что за догадливость! Умъ какъ клещи - такъ и хватаетъ!

МАРГАРИТА. О вашемъ можно сказать: тупъ, какъ рапира: попадаетъ, да не ранитъ.

БЕНЕДИКТЪ. Изъ вѣжливости, щадя дамъ. Позови же, сдѣлай милость, Беатриче... Я отдаю тебѣ щитъ.

МАРГАРИТА. Отдайте-ка намъ мечи, а щиты у насъ есть свои.

БЕНЕДИКТЪ. Если ты хочешь употребить ихъ въ дѣло, Маргарита, то тебѣ придется защищаться и отъ копій, такъ какъ они самое опасное оружіе для дѣвушекъ.

МАРГАРИТА. Извольте, я позову къ вамъ Беатриче, которая, кажется, не безъ ногъ. (*Уходитъ.*)

БЕНЕДИКТЪ. И слѣдовательно придетъ.

(*Поетъ.*)

О, Богъ любви
Воспламени
Въ моей крови...

Я разумѣю даръ пѣснопѣнія; что же касается любви, то ни знаменитаго пловца Леандра, ни Троила, ни цѣлый лексиконъ этихъ господъ *ci devant* франтовъ, имена которыхъ такъ и катятся по гладкому шоссе бѣлыхъ стиховъ - никого изъ нихъ не измѣняла любовь такъ радикально, какъ меня. Жаль, что не могу выразить ее въ хорошихъ стихахъ: риѐма проклятая не дается, сколько я ни пробовалъ. Я родился не подъ созвѣздіемъ риѐмъ и не могу любезничать въ торжественныхъ выраженіяхъ.

Входитъ БЕАТРИЧЕ.

БЕНЕДИКТЪ. Милая Беатриче, ты пришла на мой зовъ.

БЕАТРИЧЕ. Да, и уйду, когда прикажете.

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ, постой, хоть до тѣхъ поръ...

БЕАТРИЧЕ. *Тѣхъ поръ* уже сказано - прощайте! Да скажите, пожалуйста - вѣдь я за этимъ собственно и пришла - что произошло у васъ съ Клавдіо?

БЕНЕДИКТЪ. Мы поговорили довольно крупно, вслѣдствіе чего я тебя и поцѣлую.

БЕАТРИЧЕ. Слова – вѣтеръ, крупныя слова - сильный вѣтеръ; крупныя слова, произнесенныя вами - сильный сквозной вѣтеръ, а я боюсь простудиться. Пожалуйста, не цѣлуйте.

БЕНЕДИКТЪ. Ты лѣпишь изъ словъ смыслъ и значеніе, какъ изъ воску. Скажу тебѣ просто: Клавдіо принялъ мой вызовъ, и если не явится на свиданіе, такъ я объявлю его трусомъ. Скажи мнѣ, за какой изъ моихъ пороковъ полюбила ты меня?

БЕАТРИЧЕ. За всё. Они охраняютъ въ васъ царство зла съ такою тонкою политикой, что не даютъ доступа и тѣни чего-нибудь порядочнаго. А за какую изъ моихъ доблестей сдѣлались вы жертвою любви?

БЕНЕДИКТЪ. Жертвою любви! Хорошо сказано: я дѣйствительно жертва, потому что люблю противъ воли.

БЕАТРИЧЕ. На зло вашему сердцу, конечно. Увы, бѣдное сердце! Если вы обижаете его ради меня, такъ я обижу его ради васъ: я не хочу любить врага моего друга.

БЕНЕДИКТЪ. Мы съ вами такъ умны, что не можемъ любезничать мирно.

БЕАТРИЧЕ. Изъ вашихъ словъ этого не замѣтно: какой умный человѣкъ станетъ хвалить самого себя?

БЕНЕДИКТЪ. Была правда, какъ бабушка еще не выходила замужъ; а теперь, кто не воздвигнетъ самъ себѣ памятника заживо, о томъ будутъ помнить только пока въ колоколь звонять да вдова плачетъ.

249

БЕАТРИЧЕ. А долго это продолжается?

БЕНЕДИКТЪ. Что за вопросъ! Часъ на упражненіе легкихъ и четверть часа на отдѣленіе влаги изъ слезной железы. Слѣдовательно - если только не мѣшаетъ госпожа совѣсть - умнѣ всего самому трубить о своихъ достоинствахъ. Вотъ почему я и хвалю самъ себя; и могу вамъ засвидѣтельствовать, что хвалимый достоинъ похвалъ. Что ваша кузина? какъ поживаетъ?

БЕАТРИЧЕ. Плохо.

БЕНЕДИКТЪ. А вы?

БЕАТРИЧЕ. Тоже очень плохо.

БЕНЕДИКТЪ. Молитесь Богу, любите меня и старайтесь исправиться. Затѣмъ прощайте: сюда кто-то спѣшитъ.

Входитъ УРСУЛА.

УРСУЛА (*Беатриче*). Пожалуйте къ дядюшкѣ. Тамъ такая тревога! Открылось, что Геро невинна, а принцъ и Клавдіо обмануты. Это все донъ-Жуанъ надѣлалъ. Онъ бѣжалъ. Идемте!

БЕАТРИЧЕ (*Бенедикту*). Хотите со мной? Послушаемъ, что такое.

БЕНЕДИКТЪ. Я хочу жить въ твоёмъ сердцѣ, хочу умереть на груди твоей, хочу послѣ смерти покоиться въ глазахъ твоихъ, сверхъ того, хочу итти съ тобою къ твоему дядюшкѣ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Внутренность часовни.

Входятъ Донъ-Педро, Клавдіо и свита съ факелами.

КЛАВДІО. Это ли фамильный склепъ Леонато?

Одинъ изъ свиты. Это онъ, синьоръ.

КЛАВДІО.

(развертываетъ свитокъ и читаетъ.)

Жертва лживыхъ языковъ,
Геро здѣсь опочиваетъ.
Смерть, невинности покровъ,
Вѣчной славой озаряетъ
Память дѣвы молодой.
Такъ убитую позоромъ
Смерть являетъ нашимъ взорамъ
И невинной, и святой.

(Вѣшаетъ свитокъ надъ склепомъ.)

Виси надъ раннею ея могилой,
Хвали ее, когда я буду нѣмъ.
Теперь пусть музыканты начинаютъ
Играть и пѣть торжественный свой гимнь.

ГИМНЪ.

Богиня ночи, пощади
Убійцъ твоей невинной дѣвы!
Они пришли съ тоской въ груди -
И льются грустные напѣвы.
Внемли, о полночь, ихъ мольбамъ,
Ихъ стонамъ, вздохамъ и слезамъ!
Уныло - все уныло!
Могила, вскройся, разступись!
Видѣнье милое, явись -
Взгляни, какъ все уныло!

КЛАВДІО.

Миръ праху твоему! Я каждый годъ
Свершать обрядъ печальный этотъ стану.

ДОНЪ-ПЕДРО.

День добрый, господа! тушите свѣчи.
Замолкли волки; вотъ востокъ румяный,
Предъ лучезарной колесницей Феба,
Туманными покрылся полосами,
Возставъ отъ сна. Благодарю васъ всѣхъ!
Оставьте насъ. Счастливаго пути!

КЛАВДІО.

Такъ по домамъ! прощайте, господа!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Пойдемъ отсюда, скинемъ этотъ трауръ -

И къ Леонато.

КЛАВДІО.

Приготовь намъ жребій,
О, Гименей, счастливѣ того,
Какой мы здѣсь оплакивали нынче!

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Въ домѣ Леонато.

Входятъ ЛЕОНАТО, АНТОНИО, БЕНЕДИКТЪ, БЕАТРИЧЕ, УРСУЛА, ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ
и ГЕРО.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Не говорилъ ли я: она невинна?

ЛЕОНАТО.

Такъ точно, какъ и Клавдіо и принцъ.
Они обмануты. Но Маргарита -
Не вовсе безъ вины, хотя, какъ видно,
Была участницею противъ воли.

АНТОНИО.

Я очень радъ, что ложная тревога
Кончается такъ счастливо.

БЕНЕДИКТЪ.

Я тоже -
И поединокъ бесполезенъ намъ.

ЛЕОНАТО.

Ступай же, дочь, съ твоею свитой въ залу.
Надѣньте маски и дождитесь тамъ,
Пока васъ позовутъ: сегодня утромъ

250

Донъ-Педро и женихъ твой обѣщали
Прійти ко мнѣ - и ты, мой братъ, вручишь
Племянницу обманутому графу.

(Женщины уходятъ.)

АНТОНИО.

Я вамъ отца на славу разыграю.

БЕАТРИЧЕ.

Отець Францискъ, я долженъ васъ просить...

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

О чемъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Связать меня. Синьоръ Леонато,
Синьора Беатриче измѣнилась
И смотритъ ласково.

ЛЕОНАТО.

А я скажу вамъ:
Очки надѣла ей сестра.

БЕНЕДИКТЪ.

Не знаю,
Но я на ласки отвѣчаю лаской,
Любовью - на любовь.

ЛЕОНАТО.

А я такъ знаю,
Кто подсказалъ отвѣтъ вамъ: Леонато,
Графъ Клавдіо и принць. Но что же дальше?

БЕНЕДИКТЪ.

Вы что-то изъясняетесь темно.
Но все равно; вотъ въ чемъ мое желанье:
Желательно, чтобъ я и Беатриче
Сошлись въ своемъ желаньи съ вами, то-есть
Чтобъ вы благословили нашъ союзъ,
А вы, отецъ Францискъ, его скрѣпили.

ЛЕОНАТО.

Согласенъ отъ души.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Вотъ принць и графъ.

Входятъ донъ-Педро и Клавдіо со свитой.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Здорово, господа!

ЛЕОНАТО.

Мое почтенье!
Мы ждали васъ. Что, вы не измѣнили,

Графъ Клавдіо, намѣренья жениться?

КЛАВДІО.

Нѣтъ, будь она лицомъ хоть эѳіопка.

ЛЕОНАТО (*Антоніо*).

Введи жь ее - и пусть ихъ обвѣнчаютъ.

(*Антоніо уходитъ.*)

ДОНЪ-ПЕДРО.

Здорово, Бенедиктъ. Что это значить?
Ты смотришь сентябрь: мятель и буря
Свирѣпствуютъ на пасмурномъ челѣ.

КЛАВДІО.

Онъ вспомнилъ, кажется, какъ дикій быкъ
Свыкается съ ярмомъ. Смѣлѣй! мужайся!
Мы позлатимъ твои рога; Европа
Придетъ отъ нихъ въ восторгъ и умиленье,
Какъ нѣкогда отъ мощнаго Зевеса,
Когда онъ вздумалъ разыграть быка.

БЕНЕДИКТЪ.

Юпитерь-быкъ мычалъ краснорѣчиво;
Мычанію жь внимала ваша мать;
Отъ этого и сынъ, телець на диво,
Мычитъ божественно - хоть прочь бѣжать.

Входитъ АНТОНІО и замаскированныя женщины.

КЛАВДІО.

Отвѣтъ за мной. Теперь не до того.
Которая невѣста?

ЛЕОНАТО.

Вотъ, возьмите.

КЛАВДІО.

Позвольте же увидѣть васъ безъ маски.

ЛЕОНАТО.

Нельзя, пока вы не дадите клятвы,
Что женитесь.

КЛАВДІО.

Передъ лицомъ монаха
Клянусь, что если только вы согласны,

Такъ я женюсь.

ГЕРО (*снимая маску*).

Останься я въ живыхъ,
Такъ я была бы вамъ женой; воскресши,
Я снова отдаю вамъ руку.

КЛАВДІО.

Геро!
Другая Геро!

ГЕРО.

Да, другая Геро:
Одна скончалась со стыдомъ; но я
Воскресла съ честью.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Это та же - та,
Что пала жертвой клеветы.

ЛЕОНАТО.

Она
Была мертва, пока злорѣчье жило.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Окончивши святой обрядъ вѣнчанья,
Я расскажу вамъ, какъ она скончалась,
И чудо воскресенья объяснится.
Пойдемте въ церковь.

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ еще, постойте.
Кто Беатриче здѣсь?

БЕАТРИЧЕ.

Я за нее.

(*Снимаетъ маску.*)

Что вамъ угодно?

БЕНЕДИКТЪ.

Вы любите меня?

БЕАТРИЧЕ.

Какъ всѣхъ - не больше.

БЕНЕДИКТЪ.

Такъ принцъ и Клавдіо, и Леонато
Обмануты: они клялись въ противномъ.

БЕАТРИЧЕ.

А вы? вы любите меня?

БЕНЕДИКТЪ.

Какъ всѣхъ.

БЕАТРИЧЕ.

Такъ Геро, Маргарита и Урсула
Обмануты: онѣ клялись въ противномъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Онѣ клялись, что вы влюбились на-смерть.

БЕАТРИЧЕ.

Клялись, что вы изсохли отъ любви.

БЕНЕДИКТЪ.

Все ложь. Такъ вы не любите меня?

БЕАТРИЧЕ.

Изъ благодарности слегка - не больше.

ЛЕОНАТО.

Довольно, Беатриче! Я увѣренъ,
Что онѣ вамъ по-сердцу.

КЛАВДІО.

А я божусь,
Что вы свели его съ ума. Взгляните,
Вотъ доказательство: хромой сонетъ
Во славу вашей красоты и сердца -
Посильный плодъ разстроеннаго мозга.

ГЕРО.

А вотъ другой: твореніе кузины -
Собственноручный мадригалъ; признание
Въ глубокой, пламенной любви!

БЕНЕДИКТЪ. Чудеса чудесь! Рука свидѣтельствуесть противъ сердца!
Перестаньте же. Вы моя, но, клянусь дневнымъ свѣтомъ, я беру васъ изъ
состраданія.

БЕАТРИЧЕ. Я не хочу вамъ отказывать, но, клянусь солнцемъ, соглашаюсь только потому, что другіе просятъ и отчасти еще съ цѣлью спасти васъ отъ смерти: у васъ, говорятъ, чахотка.

БЕНЕДИКТЪ. Полно! Я закрою вамъ ротъ. (*Цѣлуетъ ее*).

ДОНЪ-ПЕДРО. Какъ поживаете, законный супругъ Бенедиктъ?

БЕНЕДИКТЪ. Знаете ли что я вамъ скажу, принцъ? Да то, что цѣлая академія остряковъ не въ состояніи лишитъ меня вѣселаго расположенія духа. Вы думаете, я побоюсь сатиры или эпиграммы? Какъ же! Ужъ если я положилъ жениться, такъ по мнѣ пусть себѣ говорятъ, что угодно. Не припоминайте же мнѣ моихъ прежнихъ выходокъ. Человѣкъ измѣнчивъ - и дѣло съ концомъ. Что касается тебя, Клавдіо, я хотѣлъ поколотить тебя; но такъ какъ мы теперь родственники, то оставайся цѣль и люби мою кузину.

КЛАВДІО. Жаль, что ты не отказался отъ Беатриче: я отправилъ бы тебя на тотъ свѣтъ и заставилъ бы обмануться въ расчетѣ; а здѣсь ты будешь обманывать другихъ, если кузина не станетъ присматривать за тобою построже.

БЕНЕДИКТЪ. Полно, будемъ друзьями! Не худо бы потанцовать, пока мы еще не женаты: на сердцѣ станетъ какъ будто легче.

ЛЕОНАТО. Танцы будутъ послѣ.

БЕНЕДИКТЪ. Прежде, Леонато, прежде! Эй, музыку! Вы не веселы, принцъ; женитесь, право, совѣтую вамъ, женитесь.

Входитъ ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ. Ваше высочество, донъ-Жуанъ пойманъ и приведенъ подъ стражей въ Мессину.

БЕНЕДИКТЪ. Забудемъ о немъ до завтра: я выдумаю для него славное наказаніе. Начинайте! (*Музыка и танцы.*)

А. Кронебергъ.

252

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «МНОГО ШУМУ ИЗЪ НИЧЕГО».

Дѣйствіе I, сцена I.

БЕАТРИЧЕ. Онъ здѣсь, въ Мессинѣ, объявилъ афишами, что вызываетъ Купидона состязаться въ пораженіи сердецъ; дядюшкинъ шутъ росписался за божка.

Мѣсто это, чрезвычайно трудное по отношенію къ передачѣ заключающейся въ немъ остроты, невозможно было перевести иначе. Но, собственно, вотъ какая тонкость въ немъ заключается: въ современномъ Шекспиру англійскомъ языкѣ извѣстны были два названія стрѣль – *flight* (тоже, что *arrow*), длинная, легкая и съ тонкимъ остриемъ, и *bolt* или чаще *bird-bolt*, короткая стрѣла, употреблявшаяся для охоты на птицъ. Шуты иногда носили тоже небольшіе луки и стрѣлы (*bird-bolts*), которые заканчивались не острымъ наконечникомъ, а либо шишкой, либо рагулькой, либо гладкимъ кружкомъ. Послѣ такого объясненія можно будетъ дать

и дословный переводъ приведеннаго нами мѣста, чтобы заключающаяся въ немъ соль была вполнѣ понятна.

«Онъ (т.-е. Бенедиктъ) вызвалъ Купидона на состязаніе въ стрѣльбѣ изъ лука (at the flight, слѣдовательно, настоящими, большими стрѣлами), а шутъ моего дяди, прочитавъ вызовъ, расписался за Купидона, и вызвалъ Бенедикта на состязаніе (своими) шутовскими стрѣлами (bird-bolt)».

Тамъ же.

БЕАТРИЧЕ... Вѣрность у него въ родѣ модной шляпы; онъ безпрестанно пересаживаетъ ее съ одного болвана на другого.

Въ словахъ этихъ заключается насмѣшка надъ щегольствомъ англичанъ собственно Елисаветинскаго вѣка. Щегольство это, о которомъ далѣе еще придется говорить намъ подробнѣе, выражалось особенно въ томъ, что фасонъ шляпы измѣнялся безпрестанно, и не только фасонъ, но самый способъ ношенія шляпы на головѣ.

Тамъ же.

БЕНЕДИКТЪ... Да нѣтъ, вы какъ: серьезно говорите? или вы только такъ, à la Вральманъ, то-есть по вашему Купидонъ – зоркій стрѣлокъ, а Вулканъ – ловкій танцоръ?

Опять мѣсто очень трудное для близкой передачи, переведенное Кронебергомъ приблизительно. Вотъ общій смыслъ этого мѣста: «что же вы, взаправду говорите или несете околесную?» А вотъ буквальный переводъ: «или же вы хотите намъ сказать, что Купидонъ – хорошій охотникъ за зайцами, а Вулканъ – рѣдкій плотникъ, что ли?» Каламбуръ Бенедикта основанъ, слѣдовательно, на томъ, что слѣпой Купидонъ не можетъ быть *хорошимъ стрѣлкомъ* (охотникомъ за зайцами), а Вулканъ – *кузнецъ по ремеслу* – не можетъ быть *плотникомъ*.

Тамъ же.

БЕНЕДИКТЪ. Да, какъ говорится въ старой сказкѣ: оно не то, чтобы то, а, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ того. Впрочемъ, избави Богъ, чтобы дѣйствительно было того.

Эти слова, вложенныя въ уста Бенедикта, заимствованы изъ одной старинной (старинной уже и во времена Шекспира) сказки: «это не такъ, и не было такъ; да Боже сохрани, чтобы оно дѣйствительно такъ было».

Къ сожалѣнію, сказка эта дошла до насъ уже въ обновленномъ и нѣсколько искаженномъ видѣ; но, во всякомъ случаѣ, она такъ замѣчательна, какъ варьянтъ къ извѣстной русской сказкѣ (изъ которой Пушкинъ заимствовалъ содержаніе своей баллады «Женихъ»), что мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь цѣликомъ.

«Жила нѣкогда молодая дѣвица, у которой было два брата. Однажды лѣтомъ они втроемъ переѣхали въ свой загородный домъ, въ которомъ до той поры еще не случалось жить. Между сосѣдями, которые стали ихъ посѣщать, нѣкто Фоксъ, холостякъ,

понравился имъ всѣмъ, а особенно молодой дѣвицѣ. Онъ часто у нихъ обѣдывалъ и не разъ приглашалъ дѣвицу побывать у него и взглянуть на его домъ. Въ одно прекрасное утро, когда ея братья куда-то отлучились, она рѣшилась навѣстить Фокса – и вышла, конечно, безъ всякой прислуги. Когда она подошла къ дому и постучалась у дверей, никто не отозвался на ея стукъ. Она отперла дверь и вошла въ домъ. Надъ входомъ въ залу было написано: «будь смѣла, смѣла, да не черезчуръ». Она пошла впередъ: надъ лѣстницей – та же надпись; поднялась наверхъ: надъ входомъ въ галерею – та же надпись. Она все шла впередъ. Надъ дверью одной комнаты было написано: «будь смѣла, смѣла, да не черезчуръ, чтобы сердце твое не обдало холодомъ». Отворивъ дверь, она увидѣла, что комната биткомъ набита скелетами, уставлена кадками съ кровью и т. д., и поспѣшила захлопнуть дверь. Сходя съ лѣстницы, она увидѣла изъ окошка, что Фоксъ идетъ къ дому, держа въ одной рукѣ обнаженный мечъ, а другою волоча по землѣ за косу какую-то молодую женщину. Дѣвица чуть успѣла сбѣжать съ лѣстницы и спрятаться подъ нее, какъ Фоксъ и его жертва уже находились у самой лѣстницы. Между тѣмъ какъ онъ втаскивалъ эту женщину вверхъ по лѣстницѣ, она ухватилась за перилы лѣстницы рукою, на которой надѣтъ былъ богатый браслетъ. Фоксъ, отрубилъ руку мечомъ и та вмѣстѣ съ браслетомъ упала прямо на колѣни къ молодой дѣвицѣ, которой вскорѣ удалось ускользнуть изъ этого вертепа и благополучно добраться до дома. Черезъ нѣсколько дней, Фоксъ, по своему обыкновенію пріѣхалъ въ домъ ея братьевъ къ обѣду. Послѣ обѣда, когда всѣ гости стали забавлять другъ друга рассказами о разныхъ необычайныхъ происшествіяхъ, дѣвица сказала гостямъ, что она хочетъ рассказать имъ весьма замѣчательный сонъ, который ей недавно приснился. Затѣмъ она начинаетъ рассказывать о своемъ посѣщеніи дома Фокса и прибавляетъ къ рассказу своему: *«это не такъ, и не было такъ»* (то-есть это не правда и была не правда). Когда она въ своемъ рассказѣ доходитъ до описанія комнаты наполненной скелетами, Фоксъ перебиваетъ ея рассказъ словами: *«это не такъ, и не было такъ, да и Боже сохрани, если бы оно дѣйствительно такъ было»*. Эти слова продолжаетъ онъ повторять почти до самаго конца страшной исторіи; когда же рассказъ достигнулъ того мѣста, гдѣ говорилось, какъ у молодой женщины была отрублена рука и Фоксъ не затруднился повторить свою фразу, дѣвица отвѣчала ему на нее: *«оно и есть такъ, и было такъ, а вотъ и (отрубленная) рука, которую я всѣмъ готова показать!»* Вслѣдъ за этими словами показала она гостямъ отрубленную руку и браслетъ убитой молодой женщины, а гости, выхвативъ свои мечи, бросились на Фокса и изрубили его».

Дѣйствіе II, сцена I.

БЕАТРИЧЕ. *Что я вычитала всѣ мои остроты изъ «Ста веселыхъ сказокъ» - я знаю это сказалъ вамъ синьоръ Бенедиктъ».*

Какія это «Сто веселыхъ сказокъ»? – вопросъ, далеко не рѣшенный Шекспировыми комментаторами. Одни утверждаютъ, что подъ именемъ *Hundred Mery Tales* Шекспиръ подразумѣваетъ переводъ «Декамерона», а другіе – что онъ тутъ только переводитъ на англійскій языкъ заглавіе извѣстнаго французскаго сборника «Cent nouvelles Nouvelles».

Дѣйствіе II, сцена III.

БЕНЕДИКТЪ.....Бывало (Клавдіо) десять миль готовъ пройти пѣшкомъ – посмотреть хорошій панцырь, а теперь готовъ не спать десять ночей, обдумывая покрой новаго платья.

Въ послѣднихъ словахъ несомнѣнно заключается отношеніе къ современникамъ, которые, какъ мы уже замѣтили выше, были чрезвычайно заняты придумываньемъ новыхъ фасоновъ для платья, шляпъ, обуви и такъ далѣе. Щегольство и франтовство было доведено до того, что почти каждый мѣсяць приносилъ за собою новыя моды. Не только всѣ иностранцы смѣялись надъ этою страстью англичанъ къ нарядамъ, но и всѣ серьезные люди изъ среды англійскаго общества возставали противъ нея всевозможными сатирами и карриатурами. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ современниковъ Шекспира: «Мы придерживаемся самыхъ вычурныхъ модъ болѣе, чѣмъ какая-либо иная нація, развѣ исключая французовъ, чѣмъ мы и подали поводъ венеціанцамъ и другимъ итальянцамъ считать англичанина весьма легкомысленнымъ, почему они и рисуютъ его совершенно голымъ, съ парюю ножницъ въ рукѣ придумывающимъ себѣ новое платье, соотвѣтствующее суетному расположенію его разстроенной головы, а не важнѣйшимъ требованіямъ скромности и приличія».

254

И дѣйствительно, сохранилась еще до настоящаго времени, современная Шекспиру описываемая здѣсь итальянская карриатура, на которой англичанинъ представленъ совершенно нагимъ, съ ножницами въ одной рукѣ и съ кускомъ матеріи въ другой; внизу, подъ этимъ оригинальнымъ изображеніемъ напечатано слѣдующее четырехстишіе:

«Я — англичанинъ, и стою здѣсь нагой,
«Ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, какой бы костюмъ мнѣ носить,
«Потому что мнѣ хочется носить то то, то это,
«А то, право, и самъ не знаю что».

Дѣйствіе II, сцена III.

БАЛЬТАЗАРЪ (поетъ).

*Не плачь, красавица! Слезами
Его любви не возвратитъ и т. д.*

У Шекспира:

Sigh no more, ladies, sigh no more,
Men were deceivers ever;
One foot in sea, and one on shore;
To one thing constant never etc.

Въ буквальномъ переводѣ:

«Не вздыхайте, сударыни, не вздыхайте болѣ,
Мужчины, вѣдь, всегда были обманщиками;
Одной ногой (стояли) въ морѣ, другой — на берегу;
И никогда не бывали постоянны ни въ чемъ и т. д.

Баллада эта, изъ которой приведены всего двѣ строфы у Шекспира, до сихъ поръ еще не была нигдѣ отыскана въ полномъ видѣ. Всѣ пьесы Шекспира полны такими небольшими, но драгоценными отрывками старинной англійской народной поэзіи, отрывками, выказывающими въ немъ изумительное знакомство съ нею.

Дѣйствіе III, сцена III.

КЛЮКВА. *Такъ возьми фонарь*

.....
Только смотрите, чтобы аллебарды у васъ не украли.

И то, и другое указаніе драгоценны для насъ, какъ двѣ черты современнаго Шекспиру быта и нравовъ. На рисункахъ начала XVII вѣка ночные сторожа изображаются въ чрезвычайно неуклюжихъ, длинныхъ и широкихъ плащахъ съ капюшонами; въ одной рукѣ у нихъ тяжелые аллебарды и бердыши (bills) самыхъ разнообразныхъ формъ, въ другой — фонари, а у нѣкоторыхъ, вмѣсто фонарей, довольно большіе колокола для произведенія тревоги въ случаѣ чего-нибудь чрезвычайнаго. Должно предполагать, что случаи *покражи аллебардъ* бывали нерѣдки, судя по тому, что эти бдительные стражи общественнаго спокойствія въ Шекспирово время назывались *most quiet watchmen* (весьма спокойными сторожами). Это насмѣшливое прозвище получили они вѣроятно за то, что весьма мало беспокоились о безопасности согражданъ, въ чемъ удостовѣряютъ насъ и другія свидѣтельства современниковъ Шекспира, горько жалующихся на грабежи, разбои и убійства, происходившіе на улицахъ Лондона не только ночью, но и среди бѣла дня.

Дѣйствіе III, сцена IV.

МАРГАРИТА. *Приложите къ сердцу припарку изъ cardius Benedictus; превосходное средство отъ стѣсненія въ груди.*

Cardius Benedictus (по-англійски — Holy Thistle) — *волчець*. Цѣлебныя свойства этого растенія до того уважались встарину англичанами, что въ одномъ лечебникѣ конца XVI вѣка ему придается даже названіе *исцѣляющаго* (omnimorbia) всѣ недуги.

Дѣйствіе V, сцена I.

ДОНЪ-ПЕДРО. *Что за забавная штука человекъ, когда онъ надѣваетъ штаны и камзолъ, а умъ оставляетъ дома!*

Намекъ на костюмъ, который требовали для поединка (Malone).

¹О вліяніи новеллъ на созданіе драматическихъ сюжетовъ будетъ сказано подробнѣе въ предисловіи къ «Ромео и Юліи».